

18+

18+

С Э Х С В Е Т

С В Е Т В С Е Г Д А
Р О Ж Д А Е Т
Т Е Н Ь

А Л И Ш Е Р Б Е К Е Т

Алишер Бекет

Сэхсвет

«Издательские решения»

Бекет А.

Сэхсвет / А. Бекет — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513039-6

Добро пожаловать в будущее! В будущее, где не переживают о потерянных конечностях, а просто заменяют их. Где почти побеждены болезни, а импланты повышают качество жизни. Где смерть обрела физическое воплощение, и когда она приходит, есть 2 варианта: умереть или уйти в неизвестность. Детектив, жаждущий мести. Студентка, слышащая голос мёртвых. Нейрохирург, цепляющийся за жизнь. Их объединяет одно — они знают больше остальных и пытаются найти ответы на вопросы, которые терзают мир почти столетие. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-513039-6

© Бекет А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	7
Часть 1. Старики	12
Глава 1	12
Глава 2	21
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Сэхсвет

Алишер Бекет

Редактор Юлия Никулина

Корректор Юлия Никулина

Дизайнер обложки Артём Суменков

© Алишер Бекет, 2023

© Артём Суменков, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0051-3039-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается Лене

Пролог

– «Смерть обрела воплощение», – вслух прочитал Обби.

Ещё вчера надписи не было. Обби провёл пальцами по кирпичной стене, чувствуя, как по коже бегут мурашки от скольжения по шероховатой поверхности. Поднёс руку почти вплотную к глазам – подушечки пальцев окрасились в белый. Свежак.

Он ещё раз осмотрел надпись – вместо первой буквы «о» неизвестный автор нарисовал стилизованное лицо Старика с сигаретой в зубах. Обби покачал головой. Он не понимал, как можно шутить над такими вещами.

Обби попал в портовый район двадцатилетним пацаном. Обычная история – связался с плохой компанией в колледже, попробовал интокс. Правда всплыла, и, чтобы не подставлять свою шкуру, парни подставили шкуру Обби. Ему грозил срок, но будущий биолог решил, что лучшим выходом будет сбежать, попутно поквитавшись с предателями. Итог – двое «друзей» в реанимации, один в коме. А Обби оказался в порту.

Первым человеком, которого он там встретил, был бродяга, предложивший составить компанию по выпивке. Сильный стресс в тандеме с паникой решили за него, и Обби согласился. Когда он очнулся после попойки, бродяга исчез, забрав все его вещи и анальную девственность. Дальнейшая судьба определилась сама собой.

...Обби оторвался от воспоминаний, услышав серию звуков в переулке. Кто-то прошёл там, громыхнул тяжёлой крышкой контейнера и выкинул в него что-то – Обби давно научился определять такие действия на слух.

Язык заскользил по растрескавшимся, шершавым губам. Еды не было почти двое суток. Вдруг произойдёт чудо, и в контейнере окажется сочный кусочек бифштекса? Обби сглотнул.

Создатель, надеюсь, там будет хоть что-то.

Обби заглянул в переулочек. Темно, как в жопе. Мрачное, грязное место меж двух обшарпанных зданий, куда не проникал даже тусклый свет электрического фонаря. По бокам, рядом с чёрными ходами забегаловок, стояли ящики для отходов. Некоторые были переполнены, отчего в воздухе витал отвратительный смрад. Во всем переулке не было ни души, стояла полная тишина.

Доковыляв до нужного, как он считал, мусорного бака, Обби остановился и потянул носом. Едой не пахло даже близко – всё перебивал запах тухлятины.

– Надежда умирает последней, – пробормотал Обби, залезая в контейнер.

Свалившись на гниющую кучу, бродяга принялся рыться в ней, пытаясь отыскать мифический бифштекс. Голод затмил его сознание – он даже не подумал о том, что, будь здесь еда, она лежала бы сверху. Обби раскапывал нечистоты, ломая ногти; острые края пластиковой посуды царапали загрубевшую кожу. Воня он уже не чувствовал.

Вдруг его пальцы наткнулись на что-то мягкое. Обби улыбнулся. Он рванул это что-то, опасаясь потерять добычу в грудe мусора, и внимательно рассмотрел находку. Бифштекс. Кишащий личинками.

– Сука!

Обби в сердцах лягнул пластмассовую стенку контейнера, и, отбросив тухлятину, попытался выбраться наружу. Движение получилось слишком резким – в глазах тут же потемнело, и Обби упал. Лёжа на спине и подыхая от разрывающего его чувства голода, он понял, что смотрит на кусок гнилого мяса. Почему-то он уже не вызывал сильного отвращения.

А, какого хера?

Кое-как выбравшись из контейнера, Обби сел на ледяную землю, привалившись спиной к баку. Держа ужин в руках, он собирался с духом и параллельно вытаскивал личинок. Разум протестовал против того, что должно было сейчас произойти.

Чёрная полоса, убеждал себя Обби. Такое бывает с каждым. Не может быть всё время плохо. Сегодня он пересилит себя, а завтра найдёт целый бургер. Или ломоть мясного хлеба. О, как давно он не ел мясной хлеб!

Ну же. Просто зажми нос и представь, что ешь мясной хлеб. Мясной хлеб, такой мягкий и тающий во рту... Создатель, что бы сказала мама, увидев меня сейчас?

– «Ты должен выжить, сынок», – вот что бы она сказала, – прошептал Обби. – «Любой ценой».

Сделал глубокий вдох, зажал нос – и вдруг понял, что в переулке он не один.

В нескольких шагах перед ним возник силуэт. Сначала Обби подумал, что это бродяга, услышавший возню в контейнере. Но когда человек подошёл ближе, всё стало до ужаса ясным.

Незнакомцем оказался старик лет семидесяти, облачённый в чёрную мантию, колыхающуюся на ветру, которого не было. Белоснежные волосы, ниспадающие на лоб из-под капюшона, были расчёсаны и ухожены; морщинистое лицо, словно изваянное из серого камня, излучало уверенность, спокойствие и вызывало чувство благоговения. К подобным людям обычно тянутся, идут за ними.

Вот только этот – не был человеком.

– Здравствуй, Обби, – произнёс Старик. Голос не выражал никаких эмоций.

– Эм... пр... здра... – промямлил Обби. В горле встал ком, и бродяге пришлось прокашляться, прежде чем продолжить: – Кхм! Я не... кхм-кхм... как там у вас это положено... твою мать! Когда и как?

– Завтра вечером, в девятнадцать сорок одну. Пищевое отравление.

Обби посмотрел на бифштекс и отбросил его, словно тот обжёг руку.

– Но я же не съел... – прошептал он.

Старик не услышал:

– У тебя есть выбор, Обби. Ты можешь уйти со мной или умереть здесь. Подумай как следует, и завтра, когда я приду, сообщи о своём решении. В твой чип уже поставлена метка компенсации.

Компенсация... Да, Обби знал, о чём речь. В таких ситуациях всем положена компенсация. Даже такому ничтожеству, как он.

– Жаль, что так вышло. Удачи, Обби.

И Старик растаял в воздухе.

* * *

Обби в нерешительности стоял у дверей «Кортала». Желудок разрывало от голода, натруженные ноги гудели, но бывшего бродягу терзал вопрос: пустят ли его, несмотря на компенсацию? Ведь от него разит помоями, да и вид не лучше – спутанная борода, драное меховое пальто, которое он спёр по случаю надвигающихся морозов у другого бродяги, босые ноги, покрытые толстой коркой грязи... Но тут дверь приоткрылась от сквозняка, и в нос ударил восхитительный аромат жареного мяса с луком. Обби отбросил сомнения и зашёл в бар.

От усилившегося запаха еды закружилась голова. Обби выбросил руки вперёд, чтобы не упасть, и упёрся во что-то мягкое. Оглушительный женский визг и мужской мат слились для него в единый звук, и Обби, не желая получать по морде в свой последний день, закричал:

– Старик! Ко мне пришёл Старик! Не трогайте меня, прошу! Старик!..

– Да мне насрать, грязный ты ублюдок! Не лапай мою тёлку! – Амбал ростом под два метра навис над Обби. – Я тебя размажу по полу, говноед!

– Я тебе не тёлка! – вспыхнула подруга здоровяка.

Обби отступил на пару шагов назад, закрывая лицо руками, готовясь к удару. Но его не последовало – упоминание Стариков всё-таки внушало толику уважения. Плюнув напоследок в лицо Обби, пьяный громила со своей «тёлкой – не тёлкой» вышли из бара.

Подошёл вышибала:

– Чё надо, морда?

– Старик, пришёл Старик... – пробормотал Обби, протягивая правую руку.

– Ты ждёшь, что я пожму её?

– Нет... там чип, компенсация... я говорю правда. – От волнения бродяга начал коверкать слова.

Вышибала ухмыльнулся, но достал портативный сканер и считал информацию с ладони. Ухмылка его стала удивлённой.

– Ну надо же! Что, вытянул счастливый билет, да, вонючка? Шучу, шучу. – Он хлопнул Обби по плечу. – Ну что ж... чего сначала изволит господин? Жрать или в душ?

Обби выпрямился.

– Поесть. Мясной хлеб и какие-нибудь овощи, только немного. – Обби хорошо знал, что после голодания переедать нельзя. – Чистую, тёплую одежду. Потом душ и спать...

– Сделаем. Дуй на второй этаж, там есть спальные комнаты. Номера с десятого по пятнадцатый, выбирай любой. Душ в конце коридора. Жратву принесут минут через десять-пятнадцать.

– Спасибо... – прошептал Обби и медленно начал подниматься на второй этаж. Вслед донёсся крик:

– Запачкаешь там что-нибудь – вылетишь отсюда сразу же!

Спустя пятнадцать минут Обби, сидя на корточках, осторожно жевал мясной хлеб с тушёными овощами, запивая чистой, прохладной водой. Создатель, как же вкусно! Шестнадцать лет он питался всяким дерьмом, жрал объедки из мусорных баков, а теперь вот дорвался. И даже мысли о том, каким образом он получил на это право, не расстроили его аппетит.

Окончив ужин, Обби захотел тут же завалиться на кровать и уснуть, но вспомнил просьбу ничего тут не запачкать. Да, Обби расценил это как просьбу. Теперь он такой же как все, пусть и ненадолго, а значит, его могут просить. Он направился в душ, где вымылся, побрился и почистил зубы. Блаженство! Старую одежду он выкинул в мусорное ведро, не желая её больше видеть, не то что надевать.

Обби вернулся в номер и обнаружил на постели свёрток. В воздухе витал терпкий аромат духов. Наверное, девушка-официантка. Безумно приятный запах, так разительно отличающийся от тех, к которым он привык. Он постоял некоторое время, приняв себя и наслаждаясь.

Внутри свёртка Обби нашёл комплект нижнего белья, футболку, старые спортивные штаны, тёплую вязаную водолазку, и самое главное – добротные, хоть и явно ношенные зимние ботинки. И, Создатель Всемогущий, пачку крепких «Фриджис»!

Обби торопливо раскурил сигарету, пустил несколько дымовых колец и счастливо улыбнулся. Просто замечательно.

Натянув одежду на чистое тело, он рухнул на кровать – и словно оказался в куче пенопро... пороло... пролистрио... он забыл, как называются эти штуки. Такие небольшие, до охерения мягкие шарики. Мягкость и воздушность – вот два слова, которые пришли в голову.

Обби уснул, когда часы показали полночь. И не видел никаких снов.

* * *

На следующий день Обби проснулся поздно. Неторопливо позавтракав (Создатель Милостивый, каша на настоящем молоке и любимый мясной хлеб!), он отправился гулять.

Сначала он прошёл по тем местам, где провёл большую часть сознательной жизни. Вот здесь он чаще всего ночевал; вот в этом мусорном баке чаще всего попадались вкусные объёдки; а вот в этой подворотне... эх, дрянное дело!.. Она была совсем девчонкой. Но ведь знала же, что с ней могут сделать в таком месте?

Незаметно для самого себя Обби оказался на выходе из портового района, в пограничной зоне между гетто и той частью города, где живут достойной жизнью. Оглянувшись, он окинул взглядом узкие улицы порта, зная, что видит их в последний раз. Плевать. Он направился дальше, ни разу не обернувшись.

По мере того, как день близился к завершению, Обби всё чаще посещали мысли о его жизни. Все те мелочи, которые он видел каждый день и на которые почти привык не обращать внимания, вдруг приобрели огромное значение. Например, он вспомнил рекламное табло, на которое глядел из своего переулочка каждый раз, когда просыпался. Обби мог вспомнить каждую вещь, которую там рекламировали. Мороженое. Духи. Свежий патч для лайга¹, включающий в себя набор скинов и новые поправки к правилам. Опять мороженое. Как ему хотелось всё это попробовать, почувствовать...

Когда Обби уже оказался в черте города, его внимание привлекла девушка, шедшая навстречу. Судя по красной ленте на запястье – студентка сферы здоровья. И такая красивая... Обби улыбнулся ей и мог поклясться, что она подмигнула в ответ.

Глядя на удаляющуюся девушку, он вспоминал времена, когда сам был студентом, и свою красную ленту. Свои стремления, желания, мечты побывать в других городах. Мда. Не сложилось. А ведь были, были такие возможности, которые он упускал раз за разом. Так и упустил всю жизнь.

Обби гулял до темноты, пройдя через весь Дент почти до Вортена, глаза на окружающий мир, кардинально отличающийся от того, каким он привык видеть его в портовом районе. Что больше всего нравилось здесь Обби – никто не пытался оскорбить его, не выказывал презрения или неуважения. Один раз его остановил законник, поздоровался, считал метку и сочувственно хлопнул по плечу, после чего отпустил; молодая пара, с которой Обби столкнулся, заворачивая за угол, рассыпалась перед ним в извинениях. Это и неудивительно, теперь он выглядел как они: гладко выбритый мужчина сорока лет, вышедший на вечернюю прогулку по городу, симпатичный, доброжелательный.

Ожидающий смерти.

Обби взглянул на электронное табло рекламного щита. Как быстро прошло время! Старик придёт уже совсем скоро. Сердце гулко забило под рёбрами. Несколько минут... Обби остановился и перевёл дыхание.

Надо уйти с оживлённых улиц.

По правую руку находился небольшой парк – несколько деревьев, кустарник по периметру. Место тихое и вроде как безлюдное. То что надо.

Обби перебежал дорогу и спрятался в тени деревьев. По привычке хотел опуститься прямо на землю, но заметил резную деревянную скамью. Подходящее место.

Сердце бешено колотилось. Только теперь Обби понял, что не хочет умирать, особенно после того, как вкусил давно забытой, настоящей жизни. Будь он чуть умнее, смог бы прожить вот так – вкусно есть, по вечерам выбираться на прогулки по городу... У него были бы друзья, с которыми он выпивал бы по выходным и играл в лайг. Была бы женщина, которая бы его любила.

Старик вышел из густой темноты парка. Ни дрогнул ни один листик под его ногами, когда он подошёл.

– Привет, Обби.

¹ Лайг – коллекционная шахматоподобная игра в футуристическом сеттинге.

Он дёрнулся, как от удара по щеке.

– Да... я... уже пора?

– Что ты решил?

Обби всхлипнул.

– Если я решу... остаться – это будет больно?

– Индивидуально. Но, как правило, всё проходит спокойно.

– А если уйду с тобой?

– Абсолютно безболезненно.

Обби ещё немного помолчал, обдумывая слова Старика. Тот просто стоял и смотрел на мужчину взглядом слепого. Обби сказал:

– Тогда я... уйду. Только не прямо сейчас. У меня же ещё есть время?

Старик не ответил.

– Страшно, – сказал Обби. – Мне очень страшно.

Молчание.

– Можешь спеть мне? – неожиданно для самого себя попросил Обби. – Я помню, как в детстве мама пела мне песню. Я не знаю, как она называется, но там поётся как-то так...

Обби начал напевать мелодию без слов. Голос дрожал, из глаз покатались слёзы. Песня оборвалась посреди ноты.

И Старик, и Обби исчезли.

Часть 1. Старики

*Смерть предстает всему; она закон, а не кара.
Луций Анней Сенека*

Глава 1

– Джил Форт!

Девушка не услышала. Подложив руки под голову, она полулежала за партой, вперившись взглядом в полированную деревянную поверхность. Семинар по современной истории был невыносимо скучным, особенно с этой вредной старухой миссис Рот. И Джил совершенно забыла о том, что сегодня должна выступать с докладом. Забыла по нескольким причинам.

Во-первых, её личное проклятие – она постоянно всё забывала. Доктора ещё в детстве говорили, что у неё особое строение мозга, и события имеют шансы закрепиться в памяти, только если сопровождаются сильными эмоциями, позитивными или негативными. Понятное дело, доклад по современной истории не попадал под этот критерий.

Во-вторых, вчера Джил отмечала своё совершеннолетие. Она немного перебрала с глиром², и теперь голова просто раскалывалась. А если учесть, что пила она совсем не часто, то чувствовала девушка себя просто отвратительно. Однокурсник, подаривший этот самый глир, сегодня вообще не явился. Так что Джил мысленно проклинала его – и себя заодно.

Третья причина вытекала из предыдущей. Поскольку ей исполнилось двадцать два, по закону ей полагался первый небазовый имплант. И Джил постоянно об этом думала, в промежутках между приступами мигрени. Такой огромный выбор... главное, не прогадать, чтобы потом не жалеть. Сегодня они с родителями идут в клинику, сразу после занятий. И сегодня же предстоит операция, если она определится с выбором. Какой уж тут доклад... Какой уж тут университет, если на то пошло! И вообще...

– Джил! Создатель Всемогущий, вы вообще здесь?

Джил резко распрямилась, отбросив длинную прядь русых волос с лица. И встретила взглядом с миссис Рот. Лицо старухи скривилось в усмешке.

– Что, простите? – спросила Джил.

– Ах, мы уже и не знаем «что», верно? Может быть, начнём с доклада, который вы должны были подготовить сегодня, мисс Форт?

– Доклад... да... – Джил огляделась. Все лица в аудитории были обращены к ней. Ухмылка на лице миссис Рот стала совсем уж зловещей.

– К доске, живо!

Девушка поднялась из-за парты и направилась к кафедре. Вообще, Джил училась хорошо, но с современной историей у неё были проблемы. Нет, она знала предмет, и неплохо, но вот с преподавательницей возникли... трения. Возможно, дело было в том, что отец Джил тоже когда-то учился у миссис Рот, и, судя по рассказам, отношения у них были отнюдь не дружеские. А возможно, это была просто личная неприязнь. Поди угадай, что творится в голове у занудной старухи. Джил встала за кафедру.

– На презентацию, как я понимаю, можно не рассчитывать? – притворно вздохнула миссис Рот, усаживаясь за стол. – Что ж, тогда выключай доску. Твой доклад на сегодня будет последним.

² Глир – ягодный 12-градусный алкогольный напиток.

Джил провела пальцем по заляпанной сенсорной полоске, и доска с тихим писком отключилась.

– Итак, тема вашего доклада, – сладко улыбнулась старуха.

Что же там было... только бы вспомнить тему, а там наплету чего-нибудь... что-то про Стариков вроде... да!

– «Старики. Возникновение и последствия для общества». – Джил с облегчением вздохнула – что-то вспоминать всегда было приятно.

– Так. Для начала неплохо. Мы все внимательно вас слушаем, мисс Форт.

Джил собралась. До конца семинара оставалось всего десять минут. Немного растянуть доклад, и миссис Рот не сможет засыпать её вопросами. Проходной балл она должна получить... О как это самонадеянно! Девушка вздохнула и начала:

– Первые предпосылки возникновения Стариков появились в... в... простите, я не помню дату. – Джил даже не посмотрела в сторону миссис Рот, не желая видеть её ехидную ухмылку. – В общем, именно тогда, когда начались исследования по точному предсказанию погоды в связи с потеплением и возросшими рисками опасных природных явлений. И только позже возникла идея о прогнозах естественных смертей...

С задней парты раздались смешки – Арсси Флоу рассказал очередной «свежий» прикол из Сети, и двое его дружков-подхалимов заржали, не сумев сдержать смех.

Для кого стараюсь? Ой, себе хоть не ври, ты не стараешься.

Джил повысила голос:

– Если я не ошибаюсь, то уже через десять... да, десять лет возникают первые прототипы Стариков – пока ещё не голограммы, а компьютерная система. Серверы системы решают разместить на Полюсе. Точность этих прототипов была невысока – всего лишь несколько процентов. Да, забыла упомянуть: перед тем как запускать прототипы, был проведён мировой референдум. Лишь... э-э... пять? Да, пять процентов общественности выступило против...

Локк бросил бумажный шарик в Сюзен. Та отмахнулась.

– Первые точные предсказания с вероятностью около... около... короче, с большой вероятностью – были сделаны спустя год. Но самая знаковая дата для человечества наступила спустя несколько дней... хм... в конце столетия. Вероятность предсказанной смерти становится стопроцентной. Человек умирает в тот день и час, которые были названы в предсказании, от полной остановки работы всех органов. Человечество строит догадки о том... о том, чего само не понимает. Ясно одно – существует нечто, что «отключает» людей...

Никто её не слушал. Оно и понятно – кому захочется слушать девчонку, которая мямлит и путается в словах? Джил мельком взглянула на миссис Рот и нашла ответ на этот вопрос – вот уж кто точно внимал каждому слову, наслаждаясь её провалом. Джил продолжила, стараясь собраться с мыслями:

– Поскольку смерти избежать не удаётся, принимается решение – к каждому, кому предсказана смерть, посылают Старика-голограмму. Образ Старика был выбран на очередном референдуме. По идее, Старик должен был приходить и тактично сообщать дату и причину смерти. Но таким образом Старики функционировали ровно сутки. А потом, вместо того чтобы просто сообщать о смерти, они стали предлагать выбор – умереть здесь или забрать человека с собой. Куда – до сих пор неизвестно.

По всему миру начинаются массовые беспорядки. Некоторые оппозиционные организации пытаются отключить серверы Стариков, уничтожая целые их секции, что ни к чему не приводит – Старики продолжают приходить. Более того, после отключения серверов мировая смертность возрастает на кхм-кхм... двадцать процентов.

– Прошу прощения, – перебила миссис Рот. – На сколько процентов, я не расслышала?

Джил закатила глаза:

– Я не помню.

– Понятно. Дальше, пожалуйста.

Джил, косясь на старуху, продолжила:

– Не выяснено, являлось ли это простым совпадением или было ответной реакцией. На всякий случай работа серверов была возобновлена...

Три коротких гудка известили об окончании семинара. Студенты зашевелились, вставая с мест и задвигая стулья под парты. Миссис Рот хотела было что-то сказать, но потом только рукой махнула. Джил выжидающе смотрела на неё.

– Ну что ж, – сказала миссис Рот. – Презентации нет – минус. Качество доклада... ну, вы сами всё понимаете, так что минус, даже два минуса, я бы сказала. Итого – незачёт, мисс Форт. Тему следующего семинара смотрите на сайте. И возьмите тему из первой секции, если хотите сдать мой предмет. Всего хорошего.

Джил, тихо скрипнув зубами, кивнула и быстрым шагом направилась к своему месту. Кинув в сумку планшет, она вышла из аудитории.

Первая секция! Вот же старая вешалка! Дрянь!

Джил спустилась по широкой гранитной лестнице в холл. Однокурсники уже разбежались кто куда, да она и не стремилась ещё раз их увидеть. Обойдя одну из квадратных каменных колонн, установленных по периметру, Джил отстояла короткую очередь в гардероб. Получив свою чёрную кожаную куртку, она бросила короткое *спасибо*.

– Пожалуйста, – проворчала гардеробщица, и девушка выбежала на улицу.

Джил училась в Многопрофильном Университете Джинспейра. Он считался одним из самых престижных в Нью-Солсте и самым крупным по занимаемой площади. Его выпускники – те, кому удавалось его закончить, конечно, – получали золотую ленту и работали на самых престижных должностях в самых различных отраслях, начиная от сферы суда и заканчивая Торгово-Транспортной Гильдией (ТТГ), что считалось верхом успеха. На ТТГ Джил, конечно, не рассчитывала, но после окончания университета надеялась пристроиться куда-нибудь в сферу культуры.

Перед парадным входом Джил остановилась на минуту, проверяя, не забыла ли она чего. Поток студентов и преподавателей обтекал её с двух сторон. Заметив несколько знакомых лиц в толпе, Джил поспешила отвернуться. Нет, она решительно не хотела сейчас видеть никого из них!

Джил накинула куртку, но не потому, что на улице было холодно, – её немного знобило с похмелья. Пожившись, она двинулась к остановке.

Наверняка от меня ещё и пахнет. – Джил закинула мятную пластинку в рот. – *Может, поставит имплант, который нейтрализует неприятные запахи?*

Мысли тут же потекли в другом направлении – теперь они были полностью заняты предстоящей встречей с доктором Хаммондом. Всё-таки Джил немного волновалась, несмотря на то, что импланты уже давно и успешно используются. Дополнительным поводом для волнений служило то, что следующий имплант полагался только по прошествии трёх лет. Ну, и то, что вчера она надралась, как последний алкоголик в разгар запоя.

Когда Джил подошла к остановке, сразу же подплыл ТМП³. Металлический, обтекаемой формы вагон висел в нескольких сантиметрах над рельсами, плавно покачиваясь вверх-вниз.

Народу внутри, слава Создателю, почти не было – пожилой мужчина, дремавший в заднем ряду, и двое подростков в центре, что-то оживлённо обсуждавших.

Джил зашла в вагон и села на ближайшее место у окна. ТМП тронулся с места, за стеклом стремительно замелькал привычный городской пейзаж.

Подростки разговаривали слишком громко, и Джил волей-неволей стала свидетелем разворачивающегося спора.

³ Транспорт на магнитной подушке.

– ...ты думаешь, я вру? – спросил парень в чёрной шапке. – Охерел?

– Не, я думаю, врёт твой дружок, а ты за ним повторяешь, – прошепелявил второй. Джил бросила на него короткий взгляд и поняла причину: второй подросток носил брекеты. – Старик не может не прийти, тупая твоя башка!

– Он! Сам! Видел! – повысил голос «чёрная шапка», при каждом слове тыкая в грудь шепелявому. – Видел, как бомжа просто расплющило по асфальту!

– Значит, бомжара выжил.

«Чёрная шапка» посмотрел на друга, как на идиота:

– Люди не живут, если мозг вытекает из башки, кретин! Пятый этаж...

– О, так твой сказочник ещё и мозги рассматривал? – перебил шепелявый. – Может быть, он и пару фото сделал?

Парень опустил глаза.

– Нет. Драпанул оттуда как можно скорее.

– Вот видишь. – Он поковырял пальцем брекеты. – Походу, он и в порту-то не был.

– А хер ты угадал, – сказал «чёрная шапка» и достал телефон. – Вот, смотри!

Шепелявый минуту рассматривал экран.

– Ну хорошо, был, – признал он, возвращая гаджет. – Хоть тут не тряндит. Кстати, нам бы тоже стоит попробовать...

Джил вздрогнула: она настолько сосредоточилась на разговоре подростков, что звонок собственного телефона напугал её. Ругнувшись, Джил достала его из сумки, посмотрела на дисплей. Мама.

– Да, мам.

– Привет, Джил. Ну, как прошли занятия? – Голос Эли Форт на той стороне был слегка приглушен.

– Ну... неплохо. Я тебе потом расскажу. А вы где?

– Уже в клинике. Только что общались с доктором Хаммондом.

– И как он тебе?

– Ты знаешь, очень даже ничего. Такой подтянутый, стройный...

– Ма, прекрати, – хихикнула Джил. – Я же не об этом спрашиваю.

– погоди, тут твой отец на меня нападает, – Джил услышала какую-то возню, потом смех и улыбнулась. – Я снова тут. Так вот, если серьёзно, он нам очень понравился. Выглядит профессионалом в своём деле, всё нам объяснил, рассказал, показал сертификаты и дипломы. Ну, ты ещё поговоришь с ним сама, но я думаю, тебе он понравится. Кстати, – Эли понизила голос до шёпота, – ему всего тридцать два, и он ещё холост...

– Так, мам, всё, пока, – Джил не переставала улыбаться.

– Подожди-подожди, тут отец тебе хочет пару слов сказать. – Снова какая-то возня, и в трубке зазвучал низкий голос Гаррдена Форты:

– Привет, дорогая.

– Привет, пап. Я вижу, мама всё никак не уймётся?

– Твоя правда, намучался я с ней уже... – хмыкнул Гаррден. – Шучу, шучу... так вот, о чём это я? Ах, да. Ты всё-таки не передумаешь?

– Пап...

– Ты же знаешь, что мы с мамой обходимся без дополнительных имплантов, и это никак не влияет...

– Пап, пожалуйста. Мы ведь всё уже обсуждали тысячу раз. Это полностью взвешенное и окончательное решение.

– Ладно-ладно. – Отец быстро капитулировал, как и всегда. – Но мне нужно было спросить, понимаешь?

Джил вздохнула:

- Понимаю. Пап, не волнуйся, ладно? Я уже взрослая самостоятельная девочка.
- Порой мне кажется, что даже слишком. Но ладно, чего понапрасну воздух сотрясать.

Ты скоро подъедешь?

- Да. Уже почти на месте.
- Хорошо, ждём. Пока.
- Пока-пока.

Джил спрятала телефон в сумку и встала – ТМП подъехал к клинике.

* * *

Джил с родителями сидела в приёмной доктора Хаммонда, который рассказывал о том, как проходят подобного рода операции. Эли была права: доктор Хаммонд излучал доброжелательность, а тон его голоса был успокаивающим – как-то сразу верилось, что ничего плохого с тобой не случится. Впрочем, все хорошие врачи обладали подобными качествами. Эли была права ещё и вот в чём – Хаммонд действительно был очень симпатичным.

– ...и в зависимости от выбранного типа импланта проводится предварительная корректировка нервной системы – на тот случай, если мозг будет отторгать новые возможности. Это совершенно безопасно, мы каждый день проводим подобные операции, они доведены практически до автоматизма.

– Это хирургическая операция? – спросила Эли.

– Если вы о настройке нервной системы, то резать ничего не придётся. – Хаммонд улыбнулся. Он сидел за рабочим столом, вертя в руках миниатюрную модель человеческого мозга. – Хотя операции и проводятся под наркозом, но просто для того, чтобы не доставлять неудобств. Мы подключаемся к нервным узлам путём точечных проколов. Иглы выполнены из особого материала и не доставляют никаких болевых пост-эффектов. Разве что места проколов могут зудеть некоторое время. А дальнейшее зависит от того, какой имплант вы решите себе поставить. – Хаммонд посмотрел на Джил.

Девушка переглянулась с родителями.

– Я... пока не решила, – сказала Джил. Головная боль почти прошла, но знобило её по-прежнему. – Можно мне ещё подумать?

– Конечно, мисс Форт. Мне как раз нужно отлучиться ненадолго, минут на пятнадцать, так что я оставлю вас здесь. Но если не выберете – ничего страшного. Подумайте и приходите снова. – Хаммонд развернул монитор, на котором был открыт каталог клиники. – Пожалуйста, тут самая полная информация об имеющихся в нашем распоряжении имплантах. Изучайте, я вернусь через пятнадцать минут. – Доктор вышел, прикрыв за собой дверь.

Эли проводила взглядом Хаммонда и обернулась к дочери:

– Ну, как он тебе?

– Внушает доверие. – Джил пересела в кресло возле стола и стала просматривать информацию на сайте. – Я почти успокоилась.

– Ну, я же говорила, что он тебе понравится, дорогая. Я вот у него ещё спрашивала, что...

Джил почти не слушала. Она прокручивала страничку сайта, уже в который раз листая список.

По сути, импланты можно было разделить на три типа. Первый – «зелёные», косметические – являлся самым распространённым и безопасным. Импланты этого типа включали в себя различные модификаторы внешности, начиная от самых простых, вроде изменяющегося макияжа, и заканчивая совсем уж экзотическими – произвольное изменение цвета глаз, волос и даже пигментации кожи наподобие хамелеона. Джил бегло просмотрела эту подгруппу. Она никак не могла определиться и перешла в следующий раздел.

Этот тип имплантов – «оранжевые», механические – девушка изучила более подробно. Они представляли собой комбинацию из нанопроцессорной платы, подключаемой к нервной системе, и различных дополнительных устройств, напрямую влияющих на физиологические функции организма. Например, мышечные импланты, усиливающие физическую силу человека путём встраивания внутреннего экзоскелета. Или же ускоренный метаболизм. Ускоренная регенерация тканей и клеток. Как говорилось в комментариях к этой подгруппе, такие импланты хорошо зарекомендовали себя в силовых структурах.

И третий тип, казавшийся Джил самым интересным, – «красные» нейроимпланты, расширяющие возможности человеческого мозга и сознания. Нейроимпланты встраивались прямо в головной или спинной мозг. Вот в этом разделе Джил зависла надолго. Повышение точности человеческой памяти, улучшение реакции и внимательности, творческого потенциала... правда, что в этом разделе, что в предыдущем многие позиции были помечены особой пиктограммой – это означало, что без специального разрешения соответствующих структур эти импланты устанавливать запрещалось.

Ещё Джил знала о существовании имплантов четвёртого типа – «чёрных», экспериментальных. Достоверную информацию о них найти было сложно, даже в даркнете, не говоря уж об официальном сайте клиники. А те сведения, которые встречались Джил, были настолько фантастическими, неправдоподобными и даже пугающими, что закрадывались сомнения в адекватности людей, писавших эти строки. Но о таких имплантах девушка всерьёз не задумывалась – это строго каралось законом.

Джил всё ещё не могла определиться с выбором, хотя одно было очевидным – ей необходимо исправить проблемы с памятью. Но... хотелось всего и сразу. Она мысленно начала прикидывать комбинации имплантов, потом снова с досадой подумала о том, что второй имплант устанавливается только через три года. Джил настолько увлеклась этими размышлениями, что не заметила родителей, склонившихся над ней.

– Джил, дорогая, ты меня вообще слышишь? – спросил Гаррден.

– Что? – Джил оторвалась от монитора.

– Я попросил прокручивать помедленнее, мы с мамой не успеваем, – усмехнулся Гаррден.

Джил натянуто улыбнулась:

– Ой, прости. Просто тут столько всего, глаза разбегаются...

В этот момент в кабинет вошёл доктор Хаммонд:

– Ну, как продвигаются дела?

– Отлично, доктор, – ответила Джил.

– Уже определились?

– Ещё буквально пять минут... скажите, доктор Хаммонд, – Джил на секунду замялась, – а с чем связано правило установки второго импланта только через три года?

Хаммонд с готовностью ответил:

– Поскольку установку даже одного импланта организм воспринимает враждебно, как нечто инородное, несмотря на предварительную корректировку системы, ему нужно время, чтобы адаптироваться к импланту. Оптимальное время адаптации – полтора-два года плюс запас на индивидуальные особенности организма.

– А что произойдёт, если установить сразу несколько имплантов?

Джил смотрела на доктора Хаммонда. Чуть помедлив, он ответил:

– Если перегрузить организм, он может просто не выдержать. В результате... я думаю, вы понимаете, что следует в результате. Но тут есть одна оговорка – всё зависит от типа импланта. Например, если это лёгкий косметический имплант, то разрешается установка двух или трёх имплантов в короткий промежуток времени – около года. Собственно правило, или, иначе, закон трёх лет распространяется на серьёзные виды имплантов – механические и нейроимпланты. Также надо уяснить следующий момент – в экстренных ситуациях позволяется уста-

новка большего количества имплантов, но в этом случае не гарантируется долгая работоспособность организма.

Джил прикусила губу. Может, ей правда установить пару косметических имплантов? Выбрать какие-нибудь самые прикольные... хотя нет, это несерьёзно. Она ведь не бьюти-блогерша какая-то!

– Спасибо, доктор Хаммонд, – сказала Джил, поворачиваясь к монитору. – Мне нужно ещё немного времени.

* * *

– Конечно, конечно... – Хаммонд посмотрел на мистера и миссис Форт, указав головой на дверь: *нужно поговорить наедине*.

Оставив Джил разглядывать сайт, все трое вышли за дверь.

– Мистер и миссис Форт, уверен, вы и так знаете то, о чём я собираюсь вам сказать, но протокол требует, чтобы вы услышали это и от меня.

– В чём дело? – довольно резко спросил Гаррден. Хаммонд обернулся к нему:

– Мистер Форт, я уже семь лет как профессиональный нейрохирург, и мне часто приходится сталкиваться с определённым типом людей. Вам знакомо понятие импламания?

– Да, что-то такое слышал... ну и могу догадаться по этимологии слова.

– И всё же я объясню подробнее. Импламания – стремление человека апгрейдить свой организм до бесконечности. Особенно часто...

– Вы хотите сказать, что наша Джил подвергается такой опасности? – перебила Эли.

Хаммонд успокаивающе поднял руки.

– Прошу вас, не беспокойтесь. Никакой серьёзной опасности нет. Я хочу сказать, что у Джил, *возможно*, есть к этому предрасположенность. Этому риску подвергается каждый второй, кто устанавливает себе имплант. Вообще, импламания – с реальным бесконечным апгрейдом – встречается довольно редко. Тому есть несколько причин – это опасно, очень дорого и незаконно. Причём преследуется импламания гораздо строже, чем наркомания. Так что чаще всего до зависимости дело не доходит – всё остаётся на уровне мыслей. И всё же я обязан вам об этом сообщить...

Тут дверь открылась, и из кабинета вышла Джил. Она с улыбкой сообщила:

– Доктор, я определилась. Хочу исправить память.

* * *

Джил лежала на животе, на операционном столе, полностью обнажённая. Её покрывала только тонкая синяя простынь с разрезом в районе позвоночника. Вокруг ходили медсёстры, заканчивая приготовления к операции. Доктор Хаммонд склонился над тяжело дышащей Джил:

– Не волнуйтесь вы так, мисс Форт. Повторюсь, это простейшая операция.

– Я понимаю, доктор. – Джил хотелось посмотреть на него, но ей мешали две пластины, установленные по бокам головы.

– Раз понимаете, то нечего волноваться. Уверяю вас, всё пройдёт в лучшем виде. Так... теперь мне нужно задать вам пару вопросов. Есть ли у вас в организме какие-нибудь инородные конструкции, вроде искусственных костей, суставов?

– Нет.

– Отлично. Принимали ли вы в последние трое суток наркотические препараты или алкоголь?

– Да, я... вчера немного перебрала с глиром. Отмечала день рождения.

– Примите мои поздравления, мисс Форт! – По голосу Джил поняла, что доктор Хаммонд улыбается.

– Да... спасибо. Это может как-то осложнить операцию?

– Нет, что вы, мы просто введём нейтрализатор. Сестра, будьте добры...

Джил почувствовала лёгкий укол в ягодицу, после чего по телу начало распространяться тепло.

– Так, ну вот теперь всё в порядке.

На лицо Джил наехала прозрачная маска. Пластины возле её головы слегка загудели.

– Мисс Форт, вы готовы?

– Да... кажется...

– Расскажите, пожалуйста, про вашу татуировку, – неожиданно попросил доктор Хаммонд.

Джил скосила глаза, пытаясь увидеть тату на правом предплечье – стилизованный человек с пылающим сердцем в руке. Девушка удивилась вопросу в такой момент, но начала рассказывать:

– Это татуировка в память о моей подруге Элизе. Мы дружили с ней с самого детства, но её не стало всего полгода назад. Она...

Джил не заметила, как отключилась.

* * *

Очнулась Джил, как ей показалось, мгновенно. Оказывается, её перевернули на спину, потому что, открыв глаза, Джил увидела перед собой улыбающегося доктора Хаммонда.

– С пробуждением, мисс Форт. Как вы себя чувствуете?

Джил прислушалась к ощущениям. Они показались ей... странными. Как будто организм лишили какого-то органа или части тела. Или нет, не так. Скорее, это было похоже на то, когда пытаешься что-то вспомнить, а оно ускользает от тебя. Очень похожее и знакомое ощущение, только усиленное в разы. А вообще, Джил чувствовала и то и другое. О чём она и сообщила доктору.

– Замечательно, – сказал Хаммонд. – Это значит, что корректировка нервной системы прошла успешно. Если вкратце и упрощённо – мы внушили вашему организму, что тот имплант, который мы собираемся вам поставить, уже установлен. Теперь ваш мозг пытается найти его, и естественно, не находит. Отсюда и ощущения, что чего-то не хватает. Таким образом мы подготовили ваш организм к установке инородного элемента. Теперь вам нужно несколько минут, чтобы принять изменения, настроиться, после чего мы приступим непосредственно к установке импланта. А сейчас отдохните. И постарайтесь сосредоточиться на том, чего вашему организму не хватает.

Доктор Хаммонд отошёл к дальнему столу. Джил снова прислушалась к ощущениям. Мозг бунтовал, требуя вернуть то, что у него якобы отобрали. Джил сосредоточилась на мысли о том, что скоро всё придёт в норму. Вместе с этой мыслью к ней пришли и другие. Она вспомнила, как доктор Хаммонд рассказывал ей перед операцией о процессе установки импланта.

Вырезаем кусочек черепа, вот так... затем нейроволокнами коммутируем имплант... не волнуйтесь, никаких шрамов не останется.

Тогда эти объяснения здорово напугали Джил и её родителей, но сейчас, лёжа на операционном столе, она боялась в тысячу раз сильнее.

Не думай об этом, – приказала себе Джил. – Всё пройдёт хорошо, Хаммонд – профессионал. Старик к тебе не приходил, в конце концов... хотя, к «овоцам» они и не приходят...

Прозрачная маска вновь надвинулась на её лицо. Снова загудели пластины, на этот раз, как показалось Джил, намного сильнее. Справа замаячил доктор Хаммонд с каким-то металлическим инструментом в руках.

– Мисс Форт, мы готовы, если вы готовы.

Джил молча кивнула, борясь с паникой.

– Великолепно. Увидимся через пару часов. Кстати, ваши родители передавали вам привет.

– Да? Здорово. Я...

На этот раз наркоз подействовал гораздо быстрее.

* * *

Вновь пробуждение. Яркий свет резанул по глазам. Инстинктивно Джил прикрылась рукой.

– Проснулась! Сейчас... – Голос матери.

Свет притух, и Джил смогла оглядеться. Она находилась уже не в операционной, а в больничной палате. Рядом сидели родители, а слева, возле койки, стоял доктор Хаммонд.

– С пробуждением, мисс Форт! – произнёс он стандартную фразу.

– Как вы себя чувствуете? – закончила за него Джил и улыбнулась. Чувствовала она себя замечательно – только немного болела голова. Хаммонд рассмеялся:

– Да, действительно. Ну так как?

– Голова болит. Вот тут. – Джил прикоснулась к правой части лба. К её облегчению, никаких шрамов там не обнаружилось, по крайней мере, на ощупь.

– Это нормально, – успокоил Хаммонд. – Как-никак, мы основательно там покопались... простите, пытался пошутить. Итак, рад вам сообщить, что операция прошла успешно. Нужно будет провести несколько тестов, после чего мы вас выпишем. А сейчас оставляю вас. Можете насладиться новыми возможностями. – Хаммонд покинул палату.

Джил сразу же поняла, что доктор имел в виду. Она уже чувствовала в себе изменения – мозг вернул «утраченное» и теперь настраивал имплант. Перед глазами Джил всплывали... образы. Смеющийся отец наклоняется к ней, берет её и кружит на вытянутых руках... это ей сколько, три года? Четыре? Вот она шагает рядом с мамой в потоке людей, держа её за руку, – Джил ничего не видит вокруг, кроме спешащих и таких больших мужчин и женщин; ей страшно, но тёплая материнская рука внушает чувство спокойствия и защищённости... Элиза, смеясь, заводит Джил за угол дома, нахально подмигивает и, оглядываясь по сторонам, закуривает сигарету... Калейдоскоп давно забытых образов захлестнул Джил с головой, и ей стало так хорошо, как никогда... стоп... что-то не так.

Джил посмотрела на родителей. Дрожащие губы отца. Слегка покрасневшие глаза матери. Они улыбаются, но улыбки ненастоящие, фальшивые. Их руки дрожат.

– Мам? Пап? – Джил приподнялась на локтях. – Что с вами? Или со мной? Доктор Хаммонд чего-то не сказал?

Родители переглянулись. Эли кивнула мужу: *говори ты*. Гаррден вздохнул и произнёс, глядя в глаза дочери:

– Джил, дорогая... пока ты была на операции, к нам с мамой пришли Старики.

Глава 2

Жизнь в центральном округе Нью-Солста – Вортене – не замирает ни на секунду. Днём по полупустым дорогам носятся ТМП и машины тех, кто не пожелал отказаться от личного транспорта. По тротуарам люди сплошным потоком торопятся на работу, учёбу, деловые встречи. На улицах тут и там продают горячие закуски, кофе в поддерживающих заданную температуру стаканчиках и интерактивные сувениры для приезжих. Через каждые сто метров вдоль по улице попадаются стенды с контекстной информацией, на которых человек в специальных очках или с глазными имплантами видит специально подобранные для него предложения.

Ночью же Вортен преображается. Яркие неоновые вывески баров и клубов, пульсирующие рекламой огромные щиты вдоль дорог, возникающие посреди дороги мерцающие голограммы известных актёров и актрис, зазывающих в кино или театр, – всё это превращает улицы Вортена в залитое светом пространство, и язык не поворачивается назвать это время суток ночью.

Людей здесь в это время ещё больше, чем днём. Золотая молодёжь верхнего города, пафосные мужчины, надушенные дорогим одеколоном, и гламурные девочки, чьи лица покрыты слоем косметики, – вот кто составлял основной контингент ночного Вортена.

Джил Форт не относилась к золотой молодёжи, ни к гламурным девочкам, а посему, сидя за столиком в элитном клубе «Кластер», чувствовала дискомфорт. Однако приличная доза глира притупляла это чувство. Компания, с которой Джил проводила время, сейчас находилась на танцполе, нелепо дёргаясь под упругий бит. Впрочем, некоторые отплясывали довольно лихо, образуя вокруг себя пустое пространство, в котором происходило что-то вроде танцевального баттла. Но Джил не могла долго смотреть на резкие движения, а потому упёрлась лбом в прохладную поверхность стола.

Почувствовав очередной приступ тошноты, она решила, что терпеть больше не в силах. Джил встала с мягкого сиденья и, сбив бокал, шатающейся походкой направилась в туалет. Проходя мимо зеркальных стен (*кто вообще додумался ставить в клубе, где тошнит каждого пятого, зеркальные стены друг напротив друга?*), Джил споткнулась и растянулась на полу, больно ударившись подбородком. Люди сновали вокруг неё, и никто даже не пытался оказать ей помощь. Джил некоторое время раздумывала, а не послать ли всё на хер и вырубиться прямо на этом замечательном полу, но после того, как её два раза пнули в голень, всё-таки поднялась.

Чтоб вас всех. Твари. Ненавижу. Всех вас. О-о-о, как больно...

Отстояв короткую очередь, девушка проскользнула в одноместный туалет, хлопнув за собой дверью, и первым делом опорожнила желудок. После трёх или четырёх таких излияний, справив малую нужду, Джил встала перед зеркалом – и тут же отпрянула назад, едва снова не упав. Она отчётливо увидела, как в зеркале, буквально на секунду, проявилось до боли знакомое лицо её ушедшей подруги.

Приехали... Глюки начались...

Джил с колотящимся сердцем подошла к зеркалу, но в этот раз всё было нормально. Если, конечно, считать за норму здоровенное синее пятно, украшающее подбородок. Хороша, ничего не скажешь, – на воротнике подсыхали капли рвоты, под глазами залегли глубокие тени – такие, что не спасал даже приличный слой тоналки, которая, кстати, начинала подтекать.

Ну и что же ты, мисс Форт. Надо будет потом проверить, не треснула ли кость.

В дверь туалета забарабанили. Джил не отреагировала. Ополоснула лицо ледяной водой, не забыв счистить остатки ужина с воротника. В дверь начали стучать с утроенной силой.

– Да пошла ты в задницу, тварь! – выкрикнула Джил и тут же пожалела об этом – боль пронзила челюсть, растекаясь по всей нижней части черепа. Джил едва сдержала слёзы.

Наконец она открыла дверь туалета и сразу же наткнулась на ненавидящий взгляд одной из жаждущих попасть внутрь. Джил хотела было пройти мимо, но чья-то рука с острыми ногтями вцепилась ей в волосы. Джил вскрикнула.

– Только посмей назвать меня тварью ещё раз, ты, тварь, – заплетающимся языком проговорила гламурная дама за сорок у Джил за спиной. – Я из тебя самой тварь сделаю, тварь. Ты поняла?

Несмотря на сильную боль, Джил едва не рассмеялась. Наверняка у этой сучки все мозги съедены интоксом и алкоголем.

Отличный пример того, куда ты катишься, дорогая. Правда, до наркотиков ещё дело не дошло.

«Тварь» тем временем потеряла к Джил всякий интерес, осознав, что туалетную комнату оккупировала подруга. Напоследок больно царапнув кожу на голове Джил, она снова начала долбиться в дверь. Джил поспешила ретироваться.

Подходя к столику, она обнаружила, что вся компания вернулась с танцпола и теперь занималась тем, зачем они сюда в основном и пришли, – вливала в себя глир или кое-что покрепче.

Джил немного протрезвела, и желание возвращаться за стол пропало. Поэтому она, протискиваясь между шатающимися туда-сюда телами разной степени опьянения, выбралась на улицу. И плевать, что обратно её никто не пустит. И плевать, что сумочку она оставила внутри, – дома дверь открывается сканированием отпечатков пальцев, а платёжный чип и телефон всегда при ней.

Как-нибудь потом заберу.

Вдыхая свежий, хоть и слегка кисловатый воздух ночного города, Джил медленно побрела по улице.

Она вела подобный образ жизни уже неделю – именно столько времени прошло со дня смерти её родителей. Точнее, с того момента, как они решили уйти со Стариками. Джил была вынуждена провести этот день в больнице. Гаррден и Эли Форт хотели остаться с дочерью, но Джил убедила их провести время вдвоём, как в старые добрые времена первых свиданий и букетного периода. Они вернулись только под утро, счастливые и благоухающие ароматами духов, глира и любви.

Всё оставшееся время они болтали о разном, словно часы не отсчитывали последние минуты пребывания Гаррдена и Эли в этом мире. Ни Джил, ни её родители не стыдились слёз. Как оказалось, оно было и к лучшему – когда пришли Старики, слёз уже не осталось, и прощание прошло на удивление спокойно. Следующий момент Джил запомнила на всю жизнь: вот они стоят, мама и папа, а рядом с ними две страшные голограммы. Гаррден задёргивает тонкую ширму, и Джил видит только силуэты родителей – Старики не отбрасывают тени. Два тихих старческих голоса спрашивают в унисон:

— *Вы готовы?*

– *Да,* — отвечает Эли, её голос дрожит. Мгновение – и силуэты пропадают. В палате воцаряется тишина, и Джил плачет, не понимая, откуда берутся слёзы. Теперь она осталась совсем одна.

Джил остановилась, поймав себя на мысли, что забыла, где её дом. Лишь спустя пару минут она поняла, где находится и что шла она совсем в другую сторону. Выругавшись себе под нос, Джил направилась обратно, стараясь не обращать внимания на свистевшую ей вслед компанию парней.

С памятью начались серьёзные проблемы. Хотя ещё неделю назад всё было замечательно – Джил просто поражалась, сколько мусора, оказывается, хранилось в её голове. Обрывки когда-то услышанных разговоров, куски прочитанных когда-то книг, тексты песен, просмотренные годы назад фильмы... Однако среди всего этого мусора были и настоящие

сокровища. Джил с удивлением обнаружила, что помнит о совсем уж далёких событиях своей жизни. О таких моментах, которые скрыты от большинства людей, ибо в таком возрасте ещё нет оформленного осознания собственного «я». Она помнила, как плакала, лёжа в кровати, потревоженная детским кошмаром, и помнила успокаивающе тёплое дыхание матери, склонившейся над ней. Помнила свои первые неуверенные шаги и то, как она счастливо хохотала, увидев смешное и доброе лицо отца, удивлённого тем, как рано пошла его дочь. Она даже помнила, как сосала материнскую грудь, чувствуя при этом абсолютный покой и умиротворённость. Последнего воспоминания, кстати, Джил немного стыдилась, потому что каждый раз, думая о нём, возбуждалась, что заставило её засомневаться в своей ориентации.

Но после почти недельного запоя и разгульного образа жизни её имплант начал глючить.

Доктор Хаммонд предупреждал, что в случае нарушения врачебных предписаний корректная работа импланта не гарантируется. Джил нарушила четыре ключевых пункта из пяти: никакого стресса и спиртного, здоровый сон и приём таблеток. До употребления наркотиков, слава Создателю, она пока не докатилась. Конечно же, имплант дал сбой. Джил начала забывать элементарные вещи – не могла вспомнить то или иное слово, определение, понятие... один раз даже забыла собственное имя – на целых десять мучительных секунд. Участились провалы в памяти, когда Джил не могла вспомнить, что делала вчера. Или минуту назад. Теперь вот забыла, где её дом. К счастью, пока эти эпизоды были кратковременными.

Она снова подошла к «Кластеру». Скорее всего, приятели ещё были там. Мгновение Джил решала, не позвонить ли кому-нибудь из них и попросить вынести её сумочку. Но когда она подумала о том, что нужно будет объясняться, почему она ушла, и выслушивать пьяные уговоры вернуться обратно, звонить ей расхотелось. Ускорив шаг, девушка прошла мимо ночного клуба.

Больше провалов в памяти Джил беспокоило другое – она вспоминала такие вещи, которые с ней никогда не случались. В такие моменты её сознание как бы раздваивалось. Например, она помнила, как в возрасте десяти лет плакала, когда умер её пушистый питомец Лоски. Но у них никогда не было домашних животных! Или как она с друзьями каталась на коврах с огромных песчаных барханов в пустыне. Но до ближайшей пустыни были многие и многие километры, а Джил никогда не выезжала за пределы Нью-Солста. Или, если верить воспоминаниям, выходит, выезжала? Но как тогда объяснить, что она знать не знает тех людей, с которыми путешествовала? Всё это сводило девушку с ума и пугало до жути.

Джил добралась до дома через двадцать минут. Почувствовав, что её уже не тошнит, она купила в магазине на цокольном этаже улья две мясные слойки, и, немного подумав, банку пива.

Девушка поднялась на третий этаж. В холле не горел свет, голова гудела, поэтому Джил не сразу нашла, куда приложить подушечку большого пальца. Справившись с этой трудной задачей, она зашла внутрь и, нащупав выключатель слева на стене, включила свет.

В квартире царил полнейший беспорядок. Практически на каждой горизонтальной поверхности стояла либо кружка, либо тарелка; по полу была разбросана одежда, везде валялись книги и блокноты; в углах и на полках скопилась пыль, а голографические проекторы и экраны были покрыты грязными серыми разводами – следами попыток Джил хоть немного прибраться.

Едва только девушка сделала шаг, как под ногами что-то хрустнуло. Она посмотрела под ноги: осколки фарфоровой чашки. Ну да, точно, Джил совсем забыла о том, как в пьяном угаре швырнула чашку в дверь, истерически-радостно взвизгнув, когда та разлетелась на десятки осколков.

– А, потом всё уберу, – повторила Джил ежедневную мантру. Она пересекла гостиную, пнув по пути учебник по современным методам психологии, и зашла в свою комнату.

Здесь свет Джил включать не стала. Она поставила пакет со слойками и пивом на тумбочку и уселась в кресло перед широким экраном. Тотчас же справа появилось голографическое изображение мыши, а на сенсорной панели перед девушкой засветилась клавиатура. Экран замерцал, постепенно набирая яркость. Пока компьютер загружался, Джил решила перекусить. Первую слойку она умяла за минуту, запачкав начинкой колени. С громким *пишк!* откупорила банку и сделала глоток. Прислушалась к ощущениям. Вроде порядок. Пока что.

Джил открыла браузер и пробежала глазами свежие новости. В пустыне между Айком и Нью-Тарном нашли очередную усыпальницу. В одной из запечатанных урн с прахом обнаружился современный фонарик необычной конструкции, с маркировкой на неизвестном языке. Моментально возникли десятки конспирологических теорий, но ведущие исследователи склонялись к тому, что это чей-то неудачный и совершенно неуместный розыгрыш.

Теперь два города-государства спорили, кому из них принадлежат права на находку и дальнейшие раскопки. С одной стороны, открытие совершили археологи Нью-Тарна, с другой – гробница находилась на территории Айка. В конфликт вмешался даже Союз Мировых Государств.

Джил хмыкнула. Разборки в песочнице.

Следующая новость касалась премьеры нашумевшего фантастического фильма. Джил прочитала аннотацию:

Соттер – профессиональный киллер, работающий на Компанию. С самого детства её агенты тренируются и обучаются только для того, чтобы выполнить одно-единственное задание. Невозможное задание.

Компания выполнила свою часть договора. По крайней мере, так казалось Соттеру – Старик приходит к киллеру в точно обозначенное время. В течение суток Соттер не может умереть. Сутки на выполнение контракта – и долгожданный, вечный покой. Но что-то идёт не так, и Старик приходит вновь, на этот раз с предложением убить нанимателей Соттера.

Агенту предстоит сделать выбор между преданностью Компании и любопытством. Ведь странный Старик, кем бы он ни был, обещает невероятную награду...

Интригует. И оценки неплохие. Джил решила, что дождётся, пока фильм появится в Сети.

Ладно. Посмотрим, что там в личке...

На экране появилась светло-зелёная страница социальной сети «Мир». Внизу, в правом углу, мерцала большая цифра девять. Джил открыла «непрочитанные сообщения».

В основном писали ей однокурсники, спрашивая, куда она пропала. Джил с ходу удалила эти сообщения. Одно сообщение, полугодовой давности, было от Элизы. Джил принципиально не хотела его читать. Так проще – они как бы в ссоре, и Джил не отвечает, ничего необычного... и ещё одно письмо, групповое, было от «старухи», миссис Рот, которая с издёвкой (Джил прямо увидела, как та гадко улыбается) писала о том, что все, кто не явился вчера на семинар, имеют весьма и весьма низкие шансы на успешную сдачу экзамена. Джил, читая сообщение, потянулась за банкой и неловким движением опрокинула её на пол. Пиво, пенясь и шипя, толчками покидало ёмкость, растекаясь по полу.

Джил грязно выругалась, и мысли потекли в далёком от учёбы направлении. Имплант не работал так, как надо! Она просто забыла про то, что на столе стоит долбаная банка. Да, конечно, она сама виновата в том, что нарушила предписания доктора Хаммонда, но... иначе она не могла. Только алкоголь помогал ей притуплять чувства и не пребывать в состоянии постоянной депрессии. И бросать пить, по крайней мере пока, Джил не собиралась. Единственным выходом, как она считала, была нейтрализация вредного воздействия алкоголя. *Имплант*, – всплыло у неё в голове.

А что? Деньги теперь у меня есть, и много. Доктор Хаммонд говорил, что разрешается устанавливать не более трёх серьёзных имплантов. А я не собираюсь ставить себе большие

двух. Может, через пять или сколько там лет... Создатель, почему так долго-то? Но мне-то какая разница, всё равно я не собираюсь...

Размышления девушки прервало пришедшее сообщение. От Элизы. Джил моргнула. Потом зажмурила глаза. Сообщение никуда не делось – оно маячило в левом углу экрана:

Джил, не переиначивай слова Хаммонда. Он сказал не так. Од...

Чтобы прочитать дальше, Джил нужно было нажать всего одну кнопку. Но девушку словно парализовало.

Так. – Джил потрясла головой. – Это мне просто кажется. Это не по-настоящему.

Новое сообщение:

Ты в этом уверена?

– Ты... – Джил откашлялась. – Ты не можешь...

Не могу писать тебе? Технически это так.

Я же мертва.

Но почему этого не может быть по-настоящему?

Джил вскочила со стула, вступив ногами в пролитое пиво. Сердце учащённо билось, пока на экране всплывали всё новые и новые короткие сообщения:

Джил, тебе сейчас плохо.

Но прошу тебя, одумайся.

Так ты сделаешь только хуже.

Подумай о себе.

Ведь больше сейчас у тебя никого нет.

На этом сообщении оцепенение спало – Джил, неожиданно даже для себя, схватила стул и отправила его в полёт по комнате. Стул с грохотом врезался в стену, а Джил заорала, игнорируя боль в ушибленной челюсти:

– Заткнись! Заткнись! Слышишь? Ты не... ТЫ НЕ ИМЕЕШЬ ПРАВА ГОВОРИТЬ МНЕ, ЧТО ДЕЛАТЬ! Ты была моей единственной подругой, и ты бросила меня! Так что заткнись, заткнись, заткнись!

Джил села на край кровати и разрыдалась, уронив лицо в ладони. Когда же она подняла голову, на экране было новое сообщение:

Типичная Джил :)

И вдруг всё стало как прежде. Она снова сидела на стуле за компьютером, а из непрочитанных сообщений было только сообщение полугодовой давности от Элизы, которое Джил не хотела читать полностью. Только глаза у Джил были влажные, но она не помнила, почему.

Зато она вдруг вспомнила, как её однокурсник, вроде бы Кэрлл, хвастался, что установил второй имплант почти сразу же после первого. Джил тогда не особо внимательно слушала, да и Кэрлл разговаривал не с ней, но почему-то она до мелочей вспомнила тот день.

Напишу ему, – решила Джил, открывая список друзей. Прокрутила его до самого низа, и в предпоследней строчке нашла Кэрлла. Повезло – тот был ещё в Сети. Пальцы забегали по клавиатуре:

Привет.

Ответ пришёл через пару секунд, сопровождаясь удивлённым смайликом:

Привет. Чего это вдруг?

Так, просто узнать, как дела, – напечатала Джил, покусывая нижнюю губу.

Неплохо. Тогда встречный вопрос – как дела у тебя? Ты уже неделю не появлялась на учёбе.

Джил на мгновение задумалась. Может, выложить ему всё напрямую? А вдруг законники имеют доступ к личке? Нет, лучше не рисковать.

У меня... всё хорошо, – ответила Джил. И решила идти напрямую:

Слушай, у меня есть один вопрос, но хотелось бы поговорить лично.

Без проблем. Давай номер. – Кэрлл, казалось, нисколько не удивился подобной просьбе – наверное, о чём-то догадался.

Нет. Я бы хотела встретиться. Ты сможешь ко мне прийти?

Сейчас?!

Джил прикинула – почему бы и нет? Напечатала:

Да, если тебя не затруднит. Перекрёсток сорок пятой и двадцать шестой, восемнадцатый дом, тридцать вторая квартира. Через сколько ты сможешь подъехать?

Кэрлл теперь писал ответы моментально, делая опечатки:

У меня байк. Минут через пятнадцать-двадцать, думаю. Мне заехать в магазин там или ещё куда-нибудь?

Джил посмотрела на лужу пива, которая уже начала подсыхать. И вспомнила, что дома совсем закончился астриал⁴. А голова завтра, чувствовала она, будет болеть, и очень сильно.

Если не сложно, купи упаковку пива. И если по пути попадётся аптека, купи пару блистеров астриала.

Следующее сообщение Кэрлла сопровождалось аж тремя смайликами:

Я тебя понял :) :) :) Хорошо, скоро буду.

И почти сразу же он пропал из Сети.

Джил запустила программу автомойки. Из ниши в стене выехал круглый робот – Ронни – и воскликнув тоном, полным сарказма: «*Мать твою, как же я люблю эту работу!*», принялся разъезжать по комнате, ликвидируя последствия падения банки. Чтобы не мешать автомойщику, Джил вышла из комнаты и начала прибираться в гостиной, особо, впрочем, не стараясь.

Кэрлл позвонил в видефон ровно через пятнадцать минут – минимально отмеренный им срок. Джил взглянула на монитор в стене – Кэрлл стоял возле двери. Темноволосый, в чёрной байкерской куртке с нашивкой ВОН – Всемирной Организации Нейрохирургов. В одной руке у него была упаковка пива, а в другой – ну надо же! – красная хорала⁵. Только теперь Джил сообразила, как выглядела её просьба приехать к ней в три часа ночи, по пути купив пива и заскочив в аптеку. Будь она полностью трезвой, непременно покраснела бы.

Ничего, не обломится. Я же прямым текстом ему ни о чём не говорила.

Но оправдание звучало неуклюже, даже мысленно. Джил ткнула пальцем в пыльный сенсор:

– Да? – По нижней челюсти словно скребком провели.

– Это Кэрлл.

– Вижу. – Ещё одно прикосновение к экрану. Негромко пискнуло, и дверь открылась. –

Поднимайся.

Кэрлл проскочил в дверь. Через минуту он уже стоял на пороге, удивлённо таращась на хозяйку.

– Привет, – произнёс он, явно разглядывая подбородок девушки. – А...

– Пустяки, – сказала Джил и попыталась улыбнуться. – Споткнулась и упала, обычная ситуация. Ты извини, я постараюсь поменьше говорить.

– Ясное дело. Кстати, это тебе.

Кэрлл протянул ей хоралу.

– Спасибо. – Джил приняла цветок и, как положено было по этикету, понюхала бутон. Едва сдержалась, чтобы не поморщиться, – запах цветов, особенно хоралы, она не любила. – Я пойду поставлю её в вазу, а ты пока проходи в мою комнату. Вон та дверь.

– Понял. А твои родители? Спят?

⁴ Астриал – нестероидный лекарственный препарат, обладающий обезболивающим и противовоспалительным действием.

⁵ Хорала – селекционно выведенный сорт многолетних растений, обладающих ярко-алым окрасом стебля и лепестков. Для хорал характерен спиралевидный, концентрический узор лепестков бутона.

– Они... уехали. – Джил проглотила комок в горле. – Иди, я скоро буду. Если встретишь там Ронни, не наступи на него.

Кэрлл широко улыбнулся.

– Ронни? Кто это?

– Автомойщик.

Кэрлл кивнул и, продолжая улыбаться, направился в комнату. Ронни поприветствовал его: «*Дорого времени суток, сэр! Надеюсь, вы не принесли ещё грязи? В таком случае буду вынужден вас ликвидировать!*», и зашёлся безумным смехом. Джил усмехнулась, взяла белую фарфоровую вазу с полки и зашла в ванную комнату. Наполнив вазу водой и поместив туда хоралу, девушка несколько мгновений размышляла, куда её поставить. В итоге ваза осталась в ванной комнате. Получилось очень красиво – яркий алый мазок на фоне белоснежной мраморной плитки. Заодно Джил поглядела на себя в зеркало. Да, видок ещё тот – краснющие глаза, полопавшиеся капилляры, синяк на подбородке, уже ставший багровым... Джил вздохнула, пригладила мокрой рукой волосы и очистила, как могла, грязные пятна с колен.

Когда она вошла в комнату, Кэрлл сидел на краю кровати, крутя головой во все стороны. В руках он держал открытую банку пива.

– Ты же вроде на байке приехал?

Лицо Кэрлла вытянулось: парень явно не рассчитывал уехать отсюда раньше утра. Джил мысленно прокляла себя за свои «намёки».

– Байк? – тут же отреагировал Ронни. – Байки – это плохо. Они загрязняют окружающую среду, а сами байкеры – грязные, нечистоплотные люди.

– Ронни, замолчи! – прикрикнула на него Джил.

– Как скажете, юная мисс. Если понадобится помощь – *любого рода, даже уничтожение!* – позовите меня. А я уже закончил. Создатель, благослови чистоту! – И робот скрылся в нише. Джил повернулась к Кэрллу:

– Извини. Робот принадлежа... принадлежит маме, а её первым мужем был заядлый байкер. Они не очень хорошо расстались.

– Да всё нормально. – Кэрлл улыбнулся. – Кстати, где тут можно покурить?

Джил сделала круговое движение рукой: *можешь прямо тут*. Кэрлл достал из нагрудного кармана пачку «Фриджиса». Посмотрел на Джил:

– Будешь?

Девушка подумала и кивнула. Кэрлл раскурил сразу обе сигареты и протянул одну Джил. Система, почуяв первые струйки дыма, включила вытяжку.

Некоторое время они молчали, периодически затягиваясь и посматривая друг на друга. Поначалу Джил с непривычки кашляла, но потом втянулась. Тихонько гудела вентиляция, иногда потрескивая и добавляя неловкости в атмосферу. Первым нарушил молчание Кэрлл:

– Может, наконец скажешь, зачем ты вытащила меня практически из кровати? – В голосе звучали нотки разочарования.

Джил, продолжая проклинать себя, сказала:

– Ага. Во-первых, спасибо тебе большое. Честно, не думала, что ты сразу вот так сорвёшься и приедешь.

Кэрлл только рукой махнул – *а, ерунда*. Джил продолжила:

– Во-вторых, я хочу тебя кое о чём спросить, а это совсем не телефонный разговор, и уж тем более не для переписки.

Кэрлл подался вперёд, сплетя руки в замок.

– Это я уже понял. Внимательно слушаю.

– В общем... – Джил на секунду замялась. – Помнишь, ты как-то рассказывал, что поставил себе второй имплант?

– Разве я тебе рассказывал? Мы с тобой не очень-то и общались, если помнишь...

– Нет, ты рассказывал кому-то, я просто была рядом и случайно подслушала. Извини.

– Да фигня, – сказал Кэрлл, и вдруг его глаза сменили цвет с карего на кислотно-зелёный.

Джил вздрогнула. – Вот, собственно, и он в действии. Нравится?

Джил кивнула, не отрывая взгляда от глаз Кэрлла. Она захотела себе такие же.

– А какой был первый имплант? – спросила Джил.

Кэрлл помрачнел:

– Херовая история, если честно. У меня не так давно обнаружили серьёзные проблемы со здоровьем – целая куча органов работала вполсилы. Выходов было два – либо всю оставшуюся жизнь сидеть на лекарствах, либо поставить имплант, который это дело контролировал бы. Привязывать себя к таблеткам – это не по мне. Пришлось ставить, скажем так, вынужденный имплант-стимулятор. А я всегда хотел такие глаза – девчонок цеплять, ты уж извини за откровенность. Конечно, я понимал, что выбора нет, но от этого мне легче не становилось. Поэтому я подкопил денег и пошёл на чёрный рынок. Так ты за этим меня позвала, да? – спросил Кэрлл и улыбнулся. – Хочешь нарушить закон?

– Вообще говоря, да. – Джил с трудом заставила себя прекратить думать о таких шикарных глазах. – Хотела разузнать поподробней, к кому нужно обращаться, куда идти и насколько это безопасно.

– Безопасно? Что ты имеешь в виду?

– Ну, доктор Хаммонд говорил, что перегружать нервную систему опасно – она может не выдержать. Вот ты, например, через сколько сделал себе глаза?

– Пару месяцев прошло вроде бы. Точно не помню.

– И как, чувствуешь какие-то нарушения или что-то подобное? – Джил начала кусать губу.

Кэрлл допил пиво, выкинул окурок в банку и потянулся было за следующей порцией, но передумал и запалил ещё одну сигарету.

– Нет, пожалуй, ничего такого я не чувствую. Но, знаешь, я думаю, врачи просто перестраховываются. Ну, типа, индивидуальность организма, и всё такое... от пары имплантов ничего не будет, я считаю. Конечно, если установить себе сразу штук десять, то тогда...

Пока Кэрлл говорил, Джил кивала. Верно. Ничего от двух-трёх имплантов не будет.

– А как попасть на этот чёрный рынок? – спросила Джил.

Кэрлл усмехнулся:

– А ты, я вижу, серьёзно настроена. Никогда бы не подумал. Короче, рассказываю, как делал я. Для этого нужно идти в портовый район, почти весь чёрный рынок базируется там. Сначала страшно, потому что понимаешь, что это охереть как незаконно – раз, придётся провести как минимум ночь в порту – два, и лечь под лазер непонятно какого хирурга – это три. Основная проблема – выйти на этого самого типа. Понимаешь, они не ходят с табличками «я подпольный нейрохирург, клиника в той стороне». – Кэрлл хихикнул.

– И что надо делать? – Джил даже не улыбнулась.

– Всё просто. Схема такая – идёшь в определённый бар и заводишь разговор с барменом. Если интересует, потом скажу, в какой ходил я. Главное, дать понять, что ты при деньгах. Кстати, – глаза Кэрлла на миг полыхнули фиолетовым, – как у тебя обстоят дела с финансами? Удовольствие это недешёвое, как минимум в три раза дороже.

Джил помедлила с ответом. Она понимала, что установка импланта на чёрном рынке обойдётся дороже, чем в клинике, но тройная цена – это слишком дорого. Нет, деньги были – почти всю компенсацию родители Джил перед уходом перевели ей на счёт для личного пользования. И это не учитывая счёт в банке. Однако... Джил почему-то не хотелось что-либо рассказывать Кэрллу. В итоге девушка решила отделаться полуправдой:

– Моя семья – достаточно обеспеченная, и у меня есть кое-какие накопления... на пропажу небольшой суммы родители не обратят внимания.

Кэрлл ногтем постучал по банке и сказал:

– Небольшой суммы? А ты та ещё оторва, как я погляжу. Хорошо, это не моё дело. Тут главное – подтвердить кредитоспособность. Тогда тебе обеспечена защита – бармены за это нехилый процент получают, поэтому заинтересованы в том, чтобы клиент добрался до операционной целым и невредимым. И всё, дальше схема работает сама собой. Тебе предоставляют комнату, если некуда идти. Обычно день-два – в зависимости от занятости хирурга, – и тебя прооперируют.

Джил молчала. Вот как. Всего лишь пойти в портовый район, кишаций бандитами, наркоманами и прочими падшими людьми. И, скорее всего, придётся провести там ночь – на второй поход она может и не решиться. Кэрллу, может быть, и ничего – он парень, а если ещё и оденется соответствующе, вполне может сойти за коренного обитателя порта. Но она-то девушка, и довольно симпатичная – так, без лишней скромности, считала Джил. Что, если она так и не доберётся до бара и станет очередной жертвой изнасилования? Или того хуже: как только она решит отправиться в портовый район, к ней тут же придёт Старик. Джил оглядела погруженную в полумрак комнату, словно ожидая увидеть притаившуюся в тёмном углу фигуру в чёрных одеждах.

Кэрлл, видимо, почувствовал настроение Джил:

– Страшно?

– Да, – призналась девушка.

– Хочешь, я тебя провожу до бара?

Прозвучало неожиданно, но заманчиво.

– А почему только до бара?

– Дальше я буду уже не нужен, более того, могу только помешать. К тому же имплант хочешь ты, а защиту предоставляют только клиентам. Не хочу лишний раз рисковать, извини.

Хороший парень, – решила Джил, открывая банку. – И почему мы с ним раньше почти не общались?

– Ну так как? – спросил Кэрлл, туша сигарету. – Второго такого предложения не будет.

– Да, я была бы тебе очень благодарна.

– Здорово. – Кэрлл поднялся с кресла. Вид у него был разочарованный, и хоть парень и пытался это скрыть, получалось из рук вон плохо. – Тогда, как определишься со временем, напиши мне. Кстати... – Он достал из кармана куртки два блистера с таблетками и квадратную упаковку, которую Джил идентифицировала как презервативы. Кэрлл покраснел. – Блин... твой астриал. – Он швырнул блистеры на кровать, стараясь не смотреть в глаза девушке.

Джил вдруг испытала сильное чувство стыда. Ей нравился этот парень, примчавшийся по первому зову. Да, он рассчитывал совсем на другое, но всё же...

И мне так одиноко.

– Кэрлл... – позвала Джил, когда парень уже собирался выйти за дверь.

– Да?

– Я... слушай... может, ты останешься со мной?

Кэрлл мгновение стоял спиной к Джил, потом резко развернулся на каблуках, подошёл к ней и аккуратно, стараясь не задеть синяк, поцеловал. Джил сначала немного растерялась от столь неожиданного напора. Она ответила на поцелуй, запуская обе руки в его тёмные волосы. Когда они оторвались друг от друга, Кэрлл улыбнулся, его глаза пылали ярко-лиловым, словно неоновая реклама.

– Похоже, мои глаза всё-таки отлично подходят для того, чтобы цеплять девчонок, правда?

Меня не зацепили твои глаза. Я хочу себе такие глаза.

Она вдруг представила себе, как с криком *мне нужны твои глаза!* вытаскивает его глазные яблоки, безумно гогоча при этом. Джил прыснула со смеху.

– Что? Что такое? – Кэрлл продолжал улыбаться.

– Да так, ничего... – Джил провела ладонью по бедру парня, отчего тот вздрогнул. – Иди сюда.

Кэрлл навалился на неё, покрывая поцелуями её плечи и шею. Джил откинула голову назад, разрешая ласкать себя и одновременно пытаюсь освободиться от блузки. Скоро ей это удалось. Кэрлл на секунду прервал поцелуи, расстегнул лифчик и припал губами к соскам, слегка покусывая их. Но когда Кэрлл опустился ниже, стянув с неё джинсы, а затем трусики, Джил поняла, что это не то, чего она сейчас хочет. Не место и не время. Она подалась назад, отстранив голову парня. Кэрлл с недоумением и обидой посмотрел на девушку:

– Что не так?

– Кэрлл, прости... я не... – Джил пыталась подобрать слова так, чтобы не обидеть его ещё сильнее. – Просто... у меня сейчас очень сложный период в жизни. Я... чувствовала себя очень одиноко, и в какой-то момент мне показалось, что это хорошая идея, но... ради Создателя, прости меня.

Кэрлл выпрямился, вытерев мокрые губы тыльной стороной ладони. Глаза парня тускло светились разочарованием. Другой рукой Кэрлл снял презерватив, который уже успел надеть, нащупал пустую банку у подножья кровати и зачихнул в неё резинку.

– Где у тебя ванная?

– Кэрлл, я...

– Джил, всё в порядке. Правда. Просто я... а, неважно. Но всё правда в порядке. Скажи, где у тебя ванная?

– В коридоре, вторая дверь налево.

Кэрлл вышел из комнаты, и спустя минуту Джил услышала, как из крана полилась вода. *Создатель, что я за дура? Ты просто идиотка, Джил!*

Он вернулся через пять минут. Джил могла только гадать, что он там делал, но выглядел Кэрлл успокоившимся. Его волосы блестели от влаги. Джил к этому времени уже оделась. Кэрлл сел рядом с ней и поцеловал в висок. Джил пришлось приложить усилия, чтобы не отпрянуть.

– Хорала очень красиво смотрится, – сказал он, закурив.

– Мне тоже нравится. Послушай...

– Не надо. Проехали, хорошо? Я же не идиот, я понимаю, что значит нет и что причины могут быть совершенно разными. Так что забей, ладно?

Джил кивнула, и с минуту они молчали. Потом она спросила:

– Наша договорённость в силе? Пойдём завтра?

– Куда?

– В порт.

– А... – Кэрлл тряхнул головой. Капля воды попала на кончик сигареты, негромко пшикнув. – Хорошо, пойдём завтра. Не против, если я переночую у тебя? Пойдём завтра утром. Спать я лягу в другой комнате.

– Ты можешь тут... – промямлила Джил.

– Я бы предпочёл в другой комнате. Не хочу тебя смущать лишним раз.

Джил снова кивнула. Они посидели ещё немного, болтая о всякой ерунде, допили пиво и выкурили полпачки сигарет. Потом Джил начало клонить ко сну, и Кэрлл отправился в бывшую спальню её родителей. Уже почти засыпая, девушка услышала, как Кэрлл разговаривает с кем-то по телефону на повышенных тонах, но слов она разобрать не могла. Ухватила лишь два слова — *будем завтра*, но в полудрёме не поняла контекста.

А спустя секунду Джил провалилась в глубокий сон.

Глава 3

Джил вырвалась из кошмара, которого не запомнила.

Голова раскалывалась от пульсирующей боли, а во рту словно раскинулась жаркая пустыня. Джил, стараясь не делать резких движений, огляделась, восстанавливая вчерашнюю цепочку событий. Получалось плохо, но ровно до того момента, как мутный взгляд девушки обнаружил на прикроватной тумбочке битком набитую окурками пепельницу, стакан чистой воды и две таблетки астриала. После этого Джил всё вспомнила.

Твою мать. Кэрлл...

Джил медленно поползла по кровати. Дотянувшись до тумбочки, девушка схватила таблетки, закинула в рот, разжевала и залпом выпила всю воду, о чём сразу же пожалела: жажду это нисколько не утолило, а горечь от таблеток только усилила сухость во рту.

Джил встала с кровати и посмотрела в зеркало на стене. Сияк на подбородке стал больше и приобрёл насыщенный лиловый оттенок. Джил осторожно надавила на челюсть. К её удивлению, сильной боли не последовало, из чего Джил сделала вывод, что кость цела.

Ну, хоть что-то в порядке, если это можно так назвать.

Из коридора донёсся омерзительный звук перетаскиваемого стула. Кэрлл, видимо, не испытывал ни малейшего трепета перед дорожным паркетом из красного дерева и наверняка оставил на лакированном покрытии несколько царапин.

Джил вышла в коридор и направилась в кухню, откуда доносились запахи поджаренных тостов. Хотя девушка и не хотела есть – её всё ещё немного подташнивало, – аромат приготовленного завтрака показался ей восхитительным. Ничего, астриал подействует быстро, тошнота и головная боль пройдут, и она сможет насладиться едой.

Окна в кухне были открыты настежь. С улицы доносились обрывки песен из проезжавших мимо автомобилей, шум ветра в кронах деревьев сливался с трелями последних перелётных птиц, извещающими о скором приближении холодов, из яслей на противоположной стороне улицы в воздух летел весёлый детский смех... Обычная симфония под названием «Шум Города».

– Джил?

Девушка вздрогнула от неожиданного вопроса. Потом обернулась и с вымученной улыбкой произнесла:

– Ты меня напугал.

Кэрлл стоял напротив Джил в одних штанах. Тусклый свет падал на бледный, мускулистый торс и лицо, а глаза Кэрлла оставались широко открытыми – сейчас они были чёрного цвета. Вкупе с прядью темных волос, изящной волной падающей на лоб, это смотрелось... круто. Даже сексуально.

– Прости, я не хотел, – ответил парень. Потом оглядел себя и добавил:

– Я не думал, что ты уже проснулась. Пойду оденусь...

– Да не переживай, – махнула рукой Джил. – Если тебе так комфортней, почему нет?

Кэрлл только пожал плечами: комплексов по поводу своего тела он явно не испытывал, и Джил его хорошо понимала.

Они молча позавтракали, после чего Кэрлл заварил два кофе. Они, так же молча, ополовинили кружки. В целом неловкость, воцарившаяся в кухне, напоминала сюжет простенькой комедии: студенты надрались на вечеринке, переспали, а наутро вдруг вспомнили, что они двоюродные брат и сестра. Джил хихикнула от этой мысли и тут же поморщилась: притаившаяся в глубине черепа головная боль кольнула в висок.

– Что смешного? – спросил Кэрлл.

– Да так... эта неловкая пауза. Напоминает сценку из попсовой комедии.

– Понимаю. – Кэрлл отхлебнул из кружки. – Прости, у меня по утрам обычно паршивое настроение. Последствия болезни, – пояснил он, увидев, как Джил виновато улынулась. – Я почти никогда не высыпаюсь. Так что это не из-за... ну, ты поняла.

Джил кивнула, принимая объяснение, и предприняла последнюю попытку извиниться:

– Слушай, Кэрлл, по поводу вчерашнего...

– Создатель Всемогущий, мы можем наконец закрыть этот вопрос? – Кэрлл явно хотел, чтобы его фраза прозвучала в шутовском тоне, но Джил вздрогнула от громкого голоса.

– Ладно. Хорошо, ты прав. – Она допила кофе. – Забыли.

– Круто. Извини за... вспышку. – Кэрлл последовал её примеру и поставил пустую кружку на стол. – Моё нормальное настроение скоро вернётся, обещаю.

Они помолчали какое-то время, после чего Кэрлл задал вопрос, которого подсознательно боялась Джил и о котором почти успела забыть:

– Ты не передумала идти?

Девушка поёжилась: накатило озноб, хотя в кухне было тепло. Джил думала, что решение пойти в порт она приняла под воздействием алкоголя, но сейчас, находясь в трезвом уме, поняла, что её всё так же тянет сделать этот шаг. Когда Джил думала об этом, сердце начало стучать чаще, дыхание перехватывало, а кровь начинала бурлить от притока адреналина. Девушка боялась, но вместе с тем жаждала плюнуть в лицо идиотскому «правилу трёх лет». Как она всегда это делала в трудные минуты, Джил посмотрела на татуировку, на своё пылающее сердце.

Что бы ты сказала, если была бы сейчас рядом? Отговорила меня? Или поддержала, несмотря на всю опасность, которой я могу подвергнуться? Рассказала бы моим родителям? Но родителей больше нет, как нет и тебя. Мне больше не у кого просить совета. Я одна. Так какой смысл придерживаться каких-то рамок, какой смысл жить грёбаной обычной жизнью? «Пусть я сгорю, но сделаю это ярко» – так ты мне тогда сказала? У нас с тобой были совершенно разные ситуации, Элиза, и у тебя просто не было иного выхода, кроме как «гореть ярко». Но ты же не думаешь, что я захочу тлеть, подобно свече?

Где-то в глубине сознания возник тихий, едва слышный голос: *ты неправильно поняла моё послание, Джил.* Но та, для кого предназначался этот шёпот, не услышала или не захотела услышать. И продолжала внутренний монолог, всё больше походивший на речь сумасшедшего:

Твой уход что-то надломил во мне. А уход родителей доломал до конца. Я начала слышать голоса, Элиза, пока слабые и туманные, но они набирают силу. Я не признавалась в этом никому, даже самой себе, но сейчас я делаю это. Элиза... что-то меняется во всём мире. Я знаю, я выгляжу так, словно у меня проблемы с головой. Может быть, так и есть. А может, это из-за проблем с имплантом. Но что, если мои предчувствия верны, и я не схожу с ума? В таком случае, когда придёт конец, я должна быть к нему готова.

Всё это и многое другое – то, что Джил неосознанно переживала последнюю неделю и что лишь сейчас обрело форму мыслей, – пронеслось в её голове за несколько коротких секунд, и на это время она впала в некое подобие транса. Кэрлл, увидев, что девушка не торопится отвечать, повторил вопрос, возвращая её в реальность.

Джил очнулась. Она чувствовала себя так, словно отключилась на время, и сейчас, да и потом тоже, с трудом могла припомнить, о чём думала в этот момент. В памяти осталось только принятое решение.

– Да, – сказала Джил. – Пойдём.

* * *

Джил сидела позади Кэрлла на байке, который мчался по практически пустой дороге. Она крепко обхватила парня за талию, потому что боялась этого средства передвижения и не дове-

ряла ему, хотя водил Кэрлл почти профессионально. Нелюбовь к байкам Джил впитала с молоком матери, которая с определённого момента просто возненавидела эту культуру и всячески настраивала Джил на те же эмоции.

Кэрлл шёл под сотню километров, лавируя между редкими автомобилями. После очередного рывка на обгоне он обернулся через плечо и сказал через гарнитуру шлема:

– Джил, полегче. У меня сейчас глаза наружу вылезут.

– Извини, – девушка ослабила хватку. – Просто... этот вид транспорта явно не для меня.

Кэрлл ничего не ответил, но скорость сбавил – немного.

Они пересекли Вортен и сейчас ехали по центральной трассе через Крейс. По мере приближения к портовому району лоск и элегантность, присущие центральным округам Нью-Солста, стремительно шли на убыль, уступая место невзрачным многоэтажным ульям. Тучи почти касались верхушек небоскрёбов, создавая ощущение давящего неба. Благоустроенная зона осталась далеко позади пассажиров байка, будто выплюнув их из безопасности в суровый мир.

– «Надежды нет», – прочитала Джил надпись, нацарапанную каким-то шутником на скоростном знаке. – Очень ободряет, ничего не скажешь.

– Не дрейфь, Джил, всё пройдёт как по маслу, – пробубнил Кэрлл. Затем постучал ладонью по левой стороне шлема. – Блин, опять гарнитура валяет дурака. Она может отрубиться в любой момент, так что не пугайся, если я вдруг перестану отвечать. Впрочем, мы почти на месте.

Кэрлл начал сбрасывать скорость и остановился возле небольшого мотеля. Джил моментально спрыгнула на землю, едва байк остановился, и принялась разминать конечности, затёкшие от долгого и напряжённого пребывания в одном положении. Кэрлл снял шлем – его причёска осталась в идеальном состоянии, в отличие от взлохмаченной шевелюры Джил, – и сказал:

– Дальше пойдём пешком. Тут не больше пары километров, а, насколько мне известно, этот мотель – последний на пути в порт. Я здесь останавливался в прошлый раз. Дальше только гостиницы и общие спальные склады. Тебе лучше привести себя в порядок, – он сделал движение рукой вокруг своей головы, – и надеть вот это.

Кэрлл достал из небольшого багажника свёрток и бросил Джил – в нём оказалась серая ветровка с небольшим белым пятном краски на груди.

– Зачем? – спросила Джил, развернув куртку.

– Ты выглядишь... слишком вызывающе. Для портового района, конечно же, – добавил Кэрлл.

– Ты не мог сказать мне об этом дома?

– А у тебя есть что-то подобное из одежды? – с любопытством спросил Кэрлл.

Джил мысленно перебрала гардероб и вынуждена была признаться, что нет.

– То-то же. Так, я пока отгоню байк на парковку. За углом мотеля, – он согнул руку буквой «Г», показывая направление, – есть туалет. Платный. Там можешь уединиться. И смой всю косметику. Пожалуйста, – добавил он, увидев недовольное выражение на лице Джил.

Она кивнула, и Кэрлл покатил байк на стоянку. Джил шла рядом, понуро глядя под ноги. Поход в порт всё больше казался дурной затеей. Но, несмотря на это, Джил была полна какой-то упрямой решимости довести дело до конца.

Когда она почти дошла до угла здания, то увидела одну вещь, показавшуюся ей странной: администратор мотеля, улыбаясь, шёл навстречу Кэрллу. Они пожали друг-другу руки так, как будто были давними приятелями. Администратор было метнул взгляд на девушку, но Кэрлл едва заметно качнул головой и вроде бы что-то сказал, после чего администратор потерял к ней всякий видимый интерес.

Ну и что? – проигнорировала Джил предупреждения сработавшей интуиции. – *Быть может, они действительно знакомые, и именно поэтому Кэрлл тут и оставляет свой байк.*

А что до взгляда... ну, допустим, простая забота о тебе. Кэрлл прекрасно понимает, что ты сейчас должна чувствовать. Довольна?

Но она не была довольна. Сунув ладонь под грязный сканер туалета, Джил купила одно посещение, быстро привела причёску в норму, смыла всю и без того скудную косметику и надела ветровку байкера прямо поверх одежды. Посмотревшись в заляпанное зеркало, она увидела, что из ухоженной девушки превратилась в невзрачную серую замухрышку, а лиловый синяк на подбородке отлично дополнял образ полубродяжки.

Через пару минут Джил вышла на площадку перед мотелем, где уже ждал Кэрлл. Он тоже переоделся и теперь выглядел, как рабочий, пришедший чинить водопровод, – только сумки с инструментами не хватало.

Кэрлл критически оглядел девушку с ног до головы:

– Сойдёт. Ну что, пошли?

– Ага.

Путь занял около получаса. Погода окончательно испортилась, и временами налетали сильные порывы ветра, заставляя Джил вздрагивать от холода. Астриал уже давно прекратил действовать, и голова снова болела. Джил вспомнила надпись на знаке: *надежды нет.*

Хера лысого ты угадал, мудила! – обругала Джил неизвестного вандала.

На этой позитивной ноте они с Кэрллом пересекли невидимую границу и вошли в портовый район.

* * *

Они шли по покрытому трещинами асфальту, стараясь особо не глазеть по сторонам, и почти не разговаривали, не желая привлекать к себе излишнего внимания. Джил для собственного успокоения попыталась было взять Кэрлла за руку, но тот отдернул ладонь и сказал:

– Лучше не стоит. К парочкам тут цепляются гораздо охотнее. Они понимают, что парень попробует защитить девушку или хотя бы изобразить защиту, и тогда появится отличный предлог для драки.

Джил спрятала руки в карманы. Нехорошие мысли роились в голове, покусывая сознание крошечными зубками тревоги. Для второго посещения портового района Кэрлл на удивление хорошо здесь ориентировался. Он знал, как одеваться, как себя вести и как себя будут вести другие. Или, по крайней мере, делал вид, что знал. Если так, выглядело это очень убедительно – как будто он был здесь далеко не второй раз.

Ну и что, – повторила свою мантру Джил, ёжась от зашумевшего ветра. – *Просто он, в отличии от тебя, всё досконально изучил, прежде чем соваться сюда. У него не было провозжатого, на которого он бы мог положиться, как это сделала ты.*

Голос Элизы прошептал в голове: *А можешь ли ты на него положиться?*

Джил приказала себе успокоиться. Это просто страх. Ей страшно, и это нормальная реакция – накручивать себя в таких ситуациях. То есть делать этого ни в коем случае не нужно, но оно ведь всегда так получается. Главное – не давать развиться параною, не позволить ей завладеть тобой. Сохранять трезвость ума...

– Джил, не смотри на него, – вдруг произнёс Кэрлл, прервав её размышления. Джил поступила с точностью наоборот: чуть ли не во все глаза уставилась на мутного типа, вышедшего им навстречу из близлежащего переулка. Абориген с прищуром смотрел на парочку, а точнее, на Джил.

Джил, получив чувствительный тычок от Кэрлла, поспешно отвела взгляд, наблюдая за незнакомцем боковым зрением. Тот поравнялся с ними, прошёл мимо, и Джил успела заметить, как он оборачивается, и сразу же почувствовала фантомное жжение чуть ниже спины, как раз там, куда наверняка вперился недоброжелательный взгляд. Шаги за спиной смолкли –

незнакомец явно любовался тем, что видел. В любой другой (ну хорошо, не в любой) ситуации это непременно польстило бы Джил, но только не здесь и не сейчас. Такое ощущение, будто на задницу село огромное мерзкое насекомое! Джил подавила желание смахнуть его рукой.

– Идём, идём, не останавливаемся, – тихим голосом проговорил Кэрлл. – И не вздумай оборачиваться.

– Тут всегда так? – так же шёпотом спросила Джил.

– Откуда ж мне знать? – пожал плечами Кэрлл. – Я здесь всего второй раз. На меня никто так не пялился.

Постепенно люди начали встречаться чаще. Джил почувствовала, что успокаивается: на них с Кэрллом, конечно, смотрели, но уже не так откровенно, как тот, первый тип. Большая же часть обитателей портового гетто безучастно проходили мимо.

На самом деле, тут нет ничего такого страшного, – продолжала себя успокаивать Джил. Она даже немного осмелела и начала украдкой осматриваться по сторонам. — Да, атмосфера для неподготовленного человека, конечно, давящая. Не понимаю, как тут живут люди. Ну, то есть, конечно, выбора-то у них особого и нет...

Джил помнила из уроков социологии и права, что всем, кто получил билет в портовый район, в программный код базового чипа вшивали метку невозврата. Она была очень сложна для того, чтобы обычный обыватель мог её подделать, а те, кто в состоянии были нанять толкового хакера, особо не стремились покидать порт. Джил это казалось очень странным решением – свалить всех нарушителей в одну кучу и позволять им творить всё что душе угодно. Она полагала, что правильнее было бы перевоспитывать их, поощряя за хорошие дела и наказывая за плохие. А потом в какой-то момент поняла – некоторые просто не хотят меняться. Они хотят иметь всё и бесплатно, не прилагая усилий. Если это выражалось в обычной лени и надежде на чудо – выигрыш в лотерею, казино или получение огромного наследства, – это, с натяжкой, можно было назвать нормой. Но когда желание материальных благ раз за разом толкает человека на преступление... такого человека очень сложно изменить, если не невозможно.

Вот и получалось, что нарушителей «мелкого калибра» сюда отправляли принудительно, а «крупная рыба» приплывала самостоятельно. И никакого контроля со стороны государства.

Хотя вряд ли это место остаётся без надзора. Правительство просто локализовало большую часть криминального мира здесь, в порту, а верхики обоих «миров» наверняка состоят во взаимовыгодных отношениях. Всё явно сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Так что для себя Джил решила: то, как живут эти люди, – целиком и полностью их вина. К тому же для граждан, чьи прегрешения перед обществом были простительны, существовала процедура реабилитации – сложная и муторная, но она была, и многие обитатели порта могли ею воспользоваться. Но большинство оседало тут до конца.

– Пришли, – сказал Кэрлл.

Джил подняла голову и проследила за направлением взгляда Кэрлла. Парень смотрел на ничем не примечательный бар «Старый Штрамм». Джил видела на пути сюда с пяток точно таких же, даже вывески были похожими, отличаясь только названиями. Кэрлл повернулся к Джил:

– Ну вот. Дальше мне лучше не ходить. Как я уже говорил, я могу только помешать.

Джил посмотрела на Кэрлла и непроизвольно шагнула ближе к нему, подавив желание взять его за руку.

– Но постой, как я пойду обратно одна?

– На этот счёт не беспокойся. – Кэрлл посмотрел на Джил, и ей вдруг нестерпимо захотелось влить ему пощёчину и сбежать отсюда – так не понравился ей этот взгляд. – Я же тебе рассказывал, что после того, как бармен возьмёт тебя под протекцию, ты в безопасности. Насколько это возможно для порта, конечно. Теперь слушай – сейчас ты сразу, нигде не останавливаясь, заходишь в бар, находишь там самого важного типа за стойкой, идёшь к нему и как

можно непринуждённое спрашиваешь: «В этой дыре наливают или как?». Не волнуйся, это у них что-то вроде пароля. Я вычитал это в Тёмной Сети на одном форуме, и делал точно так же. После этого бармен сразу поймёт, для чего ты здесь, и дальше всё сам тебе расскажет. Поняла?

– Да, – кивнула Джил. Её била дрожь.

– Повтори фразу

– «Здесь наливают или...»

– Нет. Не «Здесь наливают», а «В этой дыре наливают или как?». Это очень важно – такие люди невероятно осторожны. Если ты не скажешь фразу в точности как надо, тебя просто проигнорируют. И не факт, что у тебя будет вторая попытка что-то сказать. Так что повтори ещё раз.

– «В этой дыре наливают или как?»

– Хорошо. Ну, тогда вперёд. Не стой столбом, мы привлекаем внимание, – поторопил её Кэрлл, и Джил пошла к бару. Кэрлл несколько секунд провожал её взглядом, после чего развернулся и пошёл обратно.

* * *

Джил шла, не оборачиваясь, поэтому не видела следующей картины: когда Кэрлл проходил мимо переулка, двое людей в капюшонах оглушили его и затащили бесчувственное тело в машину, припаркованную в узком проулке между зданиями.

* * *

Джил на минуту зависла возле дверей бара, собираясь с мыслями. Она помнила, что Кэрлл сказал сразу заходить внутрь, но она просто не могла. Её трясло, кровь отлила от головы, а ноги превратились в два ватных кома.

Не дрейфь, подруга, – прошептал в голове Джил голос Элизы. – Раз уж вязалась в это дело, то доведи его до конца.

Джил сделала глубокий вдох, и дрожь унялась. Ей нравилось, что Элиза вдруг пробудилась и, как и раньше, когда была жива, помогала справляться с непростыми ситуациями. Хотя она понимала, что это, конечно же, её собственный голос.

Джил вдохнула полной грудью ещё раз. Ноги пронзили тысячи иголок, возвращая им чувствительность.

С другой стороны, в моменты, когда Элиза подавала голос, девушка чувствовала, что это не совсем её, Джил, мысли. И раз уж она призналась себе, что слышит и другие голоса, видит чужие воспоминания... словом, всё это напоминало психическое расстройство. Но Джил всё же надеялась, что до этого дело не дойдёт.

Она сделала третий глубокий вдох и толкнула дверь.

* * *

В баре «Старый Штрамм», к облегчению Джил, было немногочисленно. Два парня в рабочей одежде сидели в углу зала и пили пиво, тихо переговариваясь между собой. В противоположной от них стороне в одиночестве сидела ярко размалёванная девица, обводившая бар скучающим взглядом. Когда зашла Джил, шлюха окинула её цепким взглядом, разочарованно вздохнула и принялась посасывать соломинку коктейля, уставившись на двух рабочих. Но те не обращали на неё внимания. Больше в баре, кроме самого бармена, никого не было.

Джил, помня наставления Кэрлла, направилась напрямиком к барной стойке. Бармен, прищурившись и, как показалось Джил, слегка улыбнувшись (она не могла понять точно, улыбается он или нет, из-за его огромной чёрной бороды) смотрел на новую посетительницу. Но смотрел он не в глаза Джил, а чуть ниже – на грудь.

Долбанные похотливые ублюдки. Только одного вам и надо...

– Старый Штрамм к вашим услугам, мисс. – Бармен наконец посмотрел прямо в глаза Джил, отчего ей стало не по себе. Впрочем, мужчина всё равно периодически опускал взгляд ниже.

– Вас зовут Штрамм? – ляпнула Джил, хотя в уме вертелась фраза-пароль.

– Ну конечно. Заведение называется «Старый Штрамм». Что ж, я довольно стар, меня зовут Штрамм, и это мой бар. Что вы хотели, мисс?

Джил на миг задумалась, вспоминая точную формулировку.

– В этой дыре наливают или как? – спросила Джил и почувствовала, как глупо она выглядит. А что, если Кэрлл напутал с фразой?

Но бармен, похоже, всё понял. Досадливо крякнув, он сказал:

– Ну почему сразу дыра? Хотя, разумеется, это дело вкуса. Всем не угодишь. – Он снова посмотрел в глаза Джил. – Наливать-то наливаем, а вот расплатиться есть чем?

Джил впала в ступор – дальше она вступала на совершенно неизвестную ей территорию. Девушка не придумала ничего лучше, как кивнуть. Бармен усмехнулся:

– Хорошо, хорошо... в таком случае следуйте за мной – напитки, что выставлены тут, вам совершенно не подойдут.

Он сделал знак рукой, и тотчас же из подсобного помещения вышла крепко сбитая женщина, на вид сорока с чем-то лет, и заняла место за стойкой. Штрамм пальцем поманил Джил за собой и скрылся в подсобке.

Джил помедлила. Ей не нравилось происходящее, очень и очень не нравилось. Интуиция вопила, что она ни в коем случае не должна туда идти. Но что оставалось? Она зашла уже так далеко... да и потом, она уже сказала кодовую фразу бармену. Не захочет ли он продолжить силой, не желая упускать клиента? Элиза молчала, и Джил, посчитав это хорошим знаком, последовала за барменом.

В темноте узкого коридора Джил с трудом угадывала перед собой широкую спину Штрамма, двигаясь практически на ощупь. Но тут впереди появилась полоска света – бармен открыл дверь и остановился так, чтобы Джил смогла пройти в комнату:

– Прошу в мой кабинет, мисс. Тут нам никто не помешает... обсудить дело.

Первое, что бросилось в глаза Джил, – это наглухо обитые мягким звукоизолирующим материалом стены. Второе – на противоположной от входа стене висели несколько точно таких же курток, что сейчас была на девушке, с такими же пятнами краски. У Джил застучало в висках, стало трудно дышать. Она скосила глаза на свою грудь – пятно было абсолютно идентичным, за исключением цвета. Позади раздался щелчок дверного замка.

Штрамм обошёл девушку, уселся на стул в центре комнаты и приглашающим жестом указал Джил на диван:

– Прошу, присаживайся.

И никаких больше «вы». Понял, что я уже в его руках.

Она медленно сделала несколько шагов, села на диван и уставилась в бороду Штрамма. Смотреть выше она боялась.

– Как тебя зовут? – спросил Штрамм. В голосе чувствовались весёлые нотки.

– Джил.

– Откуда синяк, Джил?

– Я... упала.

– Осторожнее надо быть, осторожнее... – Штрамм протянул последнее слово. – Джил, ты ведь уже поняла, что тебя поимели?

Девушка вздрогнула и машинально дотронулась до пятна краски на груди. Бармен это заметил:

– Глазастая какая. Большинство соображают далеко не сразу, и продолжают лелеять надежду даже тогда, когда я защёлкиваю браслеты на их нежных ручках.

Джил молчала, глядя в одну точку перед собой. Штрамм продолжил:

– Наверняка ты сюда пришла за имплантами, за чем же ещё? Вынужден тебя огорчить – к чёрной хирургии я имею весьма косвенное отношение. Этот бизнес, конечно, прибыльный, но в списке он всего лишь на втором месте. А вот работорговля всегда занимала почётное первое.

Джил держалась из последних сил, не желая давать и намёк на слабость, но на этих словах Штрамма не выдержала – слёзы градом покатались по щекам.

Элиза, помоги...

Но Элиза молчала. Бармен хмыкнул:

– Со мной это не работает, девочка. Ты бы знала, сколько я повидал такого, и, как правило, эти слёзы всегда были оправданы. Но тебе... тебе невероятно повезло, Джил.

Девушка наконец взглянула в глаза Штрамму. Тот улыбался.

– Да. Можешь считать, что ты выиграла в лотерею. У меня для тебя две новости: хорошая и плохая. С какой начать?

Джил по горло была сыта плохими новостями – ей требовалась хоть небольшая передышка. Утерев лицо рукавом куртки, она сказала:

– Начните с хорошей.

Бармен нахмурился – он явно хотел идти по другому сценарию.

– С хорошей так с хорошей. Хорошая новость в том, Джил, что в рабство я тебя не продам, и вот почему. Этот маленький жадный пиздюк, что притащил тебя сюда и фактически продал мне за сто штук, является сыном одного влиятельного и богатого человека, который, в свою очередь, состоит в тесных деловых отношениях с моими... зарубежными коллегами. И надо же так было случиться, что именно он привёл тебя сюда как раз в то время, когда у нас намечается... скажем так, серьёзный разговор с заокеанскими партнёрами. На самом деле, я просто не верю в такую удачу. Кэрл Сигман просто потрясающий рычаг воздействия. – Штрамм хохотнул. – Сам виноват – папашка деньги выдаёт строго на учёбу, а красиво жить хочется. Вот парень и крутится как может. Докрутился... впрочем, я отвлекся.

Подготовка к... кхм... к «переговорам» – очень ресурсоёмкое занятие, поэтому торговлю временно пришлось прекратить. Вот почему я сказал, что ты выиграла в лотерею. Пришла бы ты неделю назад – и уже плыла бы в контейнере в какой-нибудь тёплый город, э-э-э... греться на солнышке.

Джил не могла поверить услышанному. И дело было не в том, что она избежала рабства. Кэрл... в голове не укладывалось, что он на такое способен. Джил даже на мгновение забыла о том, где и с кем находится. Стало душно, Джил тяжело и громко задышала, сжимая кулаки. Она же доверилась... она полностью ему доверилась!

– Ну, ты рада, Джил? Я бы на твоём месте – а когда-то я был на твоём месте, можешь мне поверить, – хотя бы изобразил радость. Такое случается раз в сто лет.

– Сначала я хочу услышать плохую новость, – сказала Джил.

– Разумно, – согласился Штрамм. – Плохие новости следуют из того, что я тебе только что рассказал. Торговля стоит, подготовка жрёт ресурсы, время, а самое главное – деньги. Раз уж ты у нас из богатеньких – а иначе Кэрл не дал бы тебе куртку с белым пятном, – то я вынужден попросить тебя выступить в качестве спонсора нашей небольшой акции. Мне кажется, это разумная плата за свободу – ведь, как мы все знаем, это очень дорогой товар. Так что будь

умницей, положи свою прелестную ладошку вот сюда, – Штрамм достал терминал и положил себе на колено, – и переведи мне на счёт все свои сбережения.

Джил хотела только одного – поскорее убраться отсюда, и поэтому после секундного колебания уже было потянула руку к терминалу. Но тут проснулась Элиза, и Джил отдернула руку:

– Нет.

Штрамм картинно поднёс ладонь к уху и попросил:

– Повтори, я, кажется, не расслышал.

– Я сказала нет, – выполнила Джил просьбу бармена.

Штрамм совершенно по-новому посмотрел на неё.

– Можно узнать причину столь смелого и, несомненно, очень глупого ответа? Ты же понимаешь, что я могу забрать их силой? Какие бы средства защиты у тебя ни стояли, толковый хакер их взломает. А я знаю толковых хакеров. Да и вообще, зачем мне хакеры? – Штрамм ослабился. – Старые добрые пытки никто не отменял.

– У меня установлен «секач».

– А-а-а... – понимающе протянул бармен. – Видимо, у тебя действительно много крипты. Я должен был это предвидеть. Хорошо, предположим, я поверю, что ты не блефуешь. Но если ты им воспользуешься, то всё равно потеряешь все сбережения.

– Но... тогда и вы их не получите, верно?

Штрамм кивнул. Интерес в его глазах разгорался всё сильнее.

– Ты же понимаешь, что мы должны найти компромисс? Я ни за что не отпущу тебя просто так, красотка, – я потратил на тебя непростительно много времени.

Джил нервно кусала нижнюю губу. Ей стоило больших усилий вести себя подобным образом, и она молила Создателя, чтобы голос не задрожал:

– Понимаю. Тогда встречное предложение. Я удвою сумму, которую вы должны были отдать за меня Кэрллу. И добавлю сто тысяч сверху за ваше потраченное время.

Штрамм почесал бороду.

– Триста штук? Только за такую сумму я могу тебя продать. Дай подумать... семьсот кусков, и мы договоримся.

– Четыре сотни.

– Полмиллиона.

– Четыре сотни, – упрямо повторила Джил. – Или я прямо сейчас включу «секач».

– Ты вообще понимаешь суть торгов? – проворчал Штрамм. Впрочем, Джил разглядела в густой бороде улыбку. – Моё последнее слово – четыреста пятьдесят. Старику на выпивку, так сказать.

– Я... – Джил почувствовала, что вот-вот перегнёт палку, и приказала себе остановиться. – Ладно, хорошо.

– Вот и славно. – Штрамм протянул девушке терминал. Джил уже почти провела над ним ладонью, но Элиза снова подала голос:

– Я добавлю ещё пятьдесят тысяч, если вы сделаете для меня две вещи.

Штрамм расхохотался:

– Однако! Я ожидал совсем иного исхода этой встречи. Ну и чего же хочет юная бизнес-леди?

* * *

Кэрлл сидел на стуле в тёмном помещении, напминавшем камеру для допросов. В принципе, здесь происходило всё то же самое, что иногда происходит в таких комнатах, правда, с одной существенной разницей – его ни о чём не спрашивали.

Его просто били.

Тело ныло от сильных ударов, стальные кольца наручников больно врезались в опухшие запястья, сведённые за спиной, а рубашка на груди насквозь пропиталась кровью. Парень периодически отключался на короткие промежутки, но боль снова и снова возвращала его в реальность. В углу помещения стояла камера на штативе и, помигивая светодиодами, записывала происходящее.

Звук открывающейся двери позади заставил Кэрлла сжаться. Он не был готов к очередной порции боли, и поэтому прохрипел:

– Нет, прощу! Что вам нужно от меня?

Один из мучителей подошёл к камере и выключил её, после чего, ни слова не говоря, вышел, оставив дверь незапертой. Новые шаги, на этот раз не такие тяжёлые, раздались в комнате, и напротив Кэрлла появилась фигура.

Кэрлл не сразу разглядел, кто стоит перед ним. Когда взгляд наконец сфокусировался на человеке перед ним, парень изумлённо выдохнул:

– Джил? Что... как ты?..

* * *

Джил смотрела на Кэрлла. Всё, что она хотела высказать, вылетело из головы, едва она увидела этого недочеловека перед собой.

Девушка сделала глубокий вдох и тихо произнесла:

– Какая же ты мразь...

– Джил, я...

– Я доверилась тебе! – выкрикнула Джил и залепила Кэрллу хлёсткую пощёчину. Голова его дёрнулась в сторону, и новые капли крови вплелись в узор на полу комнаты. – Я доверилась тебе, а ты... почему, Кэрлл?

Кэрлл вдруг расхохотался, как безумный. Это было настолько неожиданно, что Джил испугалась и отступила на шаг назад.

– Да потому что ты грязная шлюха! – заорал Кэрлл, бешено дёргаясь на стуле. – Тупая сука, которая от хорошей жизни лезет на стену и не знает, куда приткнуть деньги богатенького папочки! Мой отец...

Джил ударила снова. Потом ещё раз. И ещё. Она хлестала его по щекам до тех пор, пока ладони не онемели. Кэрлл затих, и только лёгкие с тихим свистом перерабатывали один газ в другой.

Смачно плюнув напоследок в разбитое, опухшее лицо Кэрлла, Джил вышла из комнаты, куда сразу же зашли двое в капюшонах. Обернувшись, она бросила последние слова Кэрллу:

– Чтоб ты сдох, уёбок.

Перед тем как закрылась дверь, Джил успела услышать звук удара, и её губы растянулись в злорадной улыбке. К ней подошёл Штрамм:

– Ну надо же, девочка моя, у тебя прямо-таки горят глаза! Понимаю, нет ничего приятнее мести. Но время не ждёт. – Штрамм посмотрел на часы, врезанные прямо в запястье. – Что за вторая вещь, за которую ты так любезно отвалила мне пятьдесят кусков?

– Мне нужен лучший нейрохирург.

– До конца стоим на своём? Похвально. – Штрамм снова посмотрел на часы, теперь уже с досадой. – Хорошо. Предлагаю вернуться в мой кабинет, уже в качестве почётной гостьи. Там и поболтаем.

Глава 4

Грязный подвал в северо-западной части портового района всегда был излюбленным местом бродяг и бомжей. Ровно до того момента, как банда «Хвост Дракона» не заявила о своих правах на это укромное убежище. «Драконы» вычистили гадюшник от тонн мусора, вытурили оттуда нежелательных личностей и объявили подвал своей базой.

Бродяги некоторое время по привычке возвращались к «очагу», закономерно получая в челюсть, и через некоторое время уяснили, что местечко потеряно. Тогда бывшие хозяева стали вести партизанскую войну – очень часто можно было видеть, как кто-нибудь из «драконов» орал благим матом, вступив в очередную кучу ещё тёплого дерьма на пороге. За это банда избивала любого встреченного в окрестностях бомжа. Собственно, в этом и заключалась основная деятельность «Хвоста Дракона» – борьба с бомжами и их отходами. Длилось это довольно долго.

Но сегодня всё изменится. Сегодня «Драконы» выйдут на улицы, отловят всех до единого этих грязных ублюдков и покажут им, что с «Драконами» стоит считаться. Именно так думал Фаррис, стоя перед заляпанным зеркалом.

– Ты ничтожество. Мразь, которая путается под ногами. Ты недостойн того, чтобы дышать одним со мной воздухом. Я лично вычищу от вашей грязи улицы портового района. Я...

– Фаррис! Мать твою, ты чё там гундосишь?

– Я репетирую слова! – крикнул Фаррис. – Я буду говорить их каждому бомжу. И думаю...

В зеркале замаячило круглое лицо Уилла. Маленькие заплывшие глазки вперились в Фарриса:

– Ты лучше подумай о том, как бы не сблевать, если один из этих бомжей... постой, ты что, говоришь всё это в зеркало?

Уилл загоготал, хлопнув себя по ляжкам. Фаррис озадаченно почесал затылок – он не понял, почему босс смеётся.

– Ну да, и что? Я же должен знать, как буду выглядеть, когда произношу это, так?

– Всё так, пацан, всё так, – сказал Уилл, не переставая ржать. – Прошу, продолжай. В зеркало, твою налево... долбоёб, блядь...

Уилл ушёл. Фаррис пожал плечами – он всё равно не понял.

– Пошёл на хуй, жирдяй, – прошептал Фаррис. – Когда-нибудь я...

Но он не решился продолжить. Фаррис повернулся к зеркалу и снова заговорил:

– Ты ничтожество...

* * *

Пора было выходить. Их было пятнадцать человек, вооружённых всяким хламом: битами, стальными прутьями, ножами. Только Уилл и пара его ближайших подчинённых имели при себе парализаторы. Всё оружие подбиралось таким образом, чтобы не убить, а покалечить.

Фаррис держал в руках толстую металлическую цепь, украшенную несколькими шипами, – по ногам и рукам такая штучка бьёт очень больно. Цепь оказалась неудобна и тяжела для такого тощего подростка, как он, но после нескольких тренировок Фаррис сумел приспособиться и махал ею довольно неплохо. А пара глубоких порезов на бёдрах – не в счёт.

Уилл залез на большой металлический контейнер, служащий в подвале картонным столом, и начал говорить:

– Ну что, ублюдки, вот и пришёл тот самый час. Час, когда мы поставим на место этих вонючих бомжей. Лично мне надоело это дерьмо возле нашего логова. А вам?

– Да! – нестройным хором заревели «Драконы».

– И мне надоели эти долбаные выродки, околачивающиеся возле *нашего* логова! Они что, надеются снова сюда вернуться?

– Они конченные, если так думают! – выкрикнула Сандра, единственная девушка среди «Драконов». Она вскинула руку с металлическими когтями вверх и расхохоталась.

– Точно! – рявкнул Уилл, выкидывая кулак с кастетом в воздух. – Так вперёд, покажем этим мудозвонам, кто тут хозяева!

Все пятнадцать человек взревели и ломанулись на улицу. Уилл замыкал шествие. Когда последний из «Драконов» очутился снаружи, Фаррис обернулся – Уилл аккуратно запер дверь в подвал и направился вслед за толпой.

Первого бомжа они встретили сразу же, как зашли за угол. Он сидел возле мусорного контейнера и грыз разваливающийся кусок мясного хлеба.

Уилл заорал:

– Вот он! Не иначе как готовит дерьмо для нас! Выбейте ему мозги, парни!

С громким улюлюканьем «Драконы» налетели на бродягу, не дав тому даже опомниться. На плечи и тело посыпались удары бит и ломов. Фаррис что-то орал, хлеща цепью направо и налево, образуя вокруг себя пустое пространство. Впрочем, справедливости ради, из трёх ударов один приходился по бомжу.

Когда тот уже лежал на спине и хрипел при каждом вдохе, Уилл воскликнул:

– Стопэ, стопэ!

Толпа отступила. На их лицах застыли зловещие усмешки. Фаррис, перестав махать цепью, навис над распластавшимся телом:

– Ты ничтожество...

– Ох, Фаррис, ради всего святого, заткни свою пасть! – Уилл поморщился. – Мы так и за год не справимся. Пошли дальше!

«Драконы» быстро пересекли тёмную улицу, оставив обмочившегося бродягу доживать свою жалкую жизнь.

Двоих следующих бомжей банда нашла только через полчаса, к северу от логова. Видимо, бродяги каким-то образом прознали о карательной операции и успели попрятаться. Но не эти двое. «Драконы» сломали им ноги и бросили источающие вонь тела в мусорные баки. Один из бомжей сразу же попытался вылезти, но получил битой по голове и снова скрылся в контейнере.

Ещё одного нашли на заднем дворе бара «Рэд Чиф». Бомж мочился на кирпичную кладку забегаловки и не замечал ничего вокруг. Сандра ударила его каблуком, попав остро заточенной шпилькой точно в задний проход – в этом у неё был богатый опыт. Бомж ткнулся головой в стену и сполз по ней лицом, оставив в щели между кирпичами пару зубов. Вереща от боли, он попытался отползти, заслоняясь руками, но после пары ударов стальными когтями Сандры прекратил всякие телодвижения и затих, покорно пережидая побои. Члены банды, которым не досталось места в первых рядах, подбадривали Сандру криками.

«Драконы» настолько увлеклись, что не заметили, как открылась дверь чёрного хода и на улицу вышел молодой мужчина с кровоточащим носом и бурой пудрой по всему лицу. Он остановился прямо под фонарём, но заметил его только Фаррис.

– Эй, Уилл, зырь сюда!

Уилл, нанеся очередной удар по уже потерявшему сознание бомжу, повернулся на голос. Главарь выпрямился и поднял руку вверх, призывая толпу к молчанию.

Когда все заткнулись, Уилл громко сказал:

– В чём дело, красавчик? Ты заблудился?

Мужчина смотрел на банду затуманенными глазами.

– Да парень, похоже, перебрал с интоксом, – шепнул Фаррис стоящему рядом Лаккси. «Дракон» закивал.

– Эй, дружок, убирайся-ка ты отсюда, а не то присоединишься вот к этому господину. – Главарь указал на бродягу, чьё лицо теперь напоминало кусок сырого мяса.

А потом Фаррис просто охерел. Этот ублюдок, этот грёбанный интоксик показал Уиллу средний палец. Раздалось несколько смешков, которые, впрочем, тут же смолкли. А мужчина ещё и улыбнулся.

Щёки Уилла задрожали. Он прошипел сквозь зубы:

– Очень, сука, зря. Фаррис, разберись с ним.

– Да запросто, Уилл!

Фаррис, поигрывая цепью, направился к мужчине. Подойдя к нему на достаточное расстояние, он начал говорить:

– Ты ничтожество...

– ДА ЗАВАЛИ УЖЕ СВОЁ ЕБАЛО И ДАВАЙ ЗА ДЕЛО! – заорал Уилл.

Фаррис проглотил обиду. Ему так хотелось это сказать! Ничего, как только представится случай... качнув цепь, он сделал шаг вперёд. Потом ещё два. Мужчина всё так же стоял на месте, слегка покачиваясь, и улыбался. Когда Фаррис сделал ещё пару шагов, мужчина вдруг нахмурился, покачал головой и закатал рукава, становясь в стойку.

Фаррис в нерешительности остановился. Этот обдолбыш вёл себя очень странно, словно был полностью уверен в своих силах.

Ну всё, сейчас ты у меня получишь...

Он перехватил цепь поудобнее и начал раскручивать её над головой, со свистом разрезая прохладный вечерний воздух, не отрывая глаз от своей цели, прикидывая свои действия. По плану, цепь должна была обвить шею безумца, после чего Фаррис рывком поставил бы того на колени. И вот тогда, после столь эффектного приёма Уилл не посмел бы прервать его речь.

Выкрикнув что-то нечленораздельное, Фаррис выбросил цепь вперёд, и ровно в ту же секунду мужчина поднял левую руку вверх. Цепь несколько раз обвилась вокруг предплечья, острые шипы вонзились в кожу, но жертва не обратила на это никакого внимания, ухватившись ладонью обмотанной руки за цепь. Теперь они оба держали её с разных концов. Фаррис моргнул от удивления и потянул цепь на себя, потом дёрнул несколько раз, но безрезультатно – мужчина держал её крепко.

«Драконы», до этого молча наблюдавшие за стычкой, вдруг расхохотались. Фаррис с силой стиснул зубы. Конечно, эти сволочи ржут над ним, он и сам бы ржал, будь на его месте кто-то другой. Фаррис понял: нужно срочно что-то делать, чтобы спасти остатки его не такой уж высокой репутации в банде. И он сделал то, что делал всегда, когда его доводили, – впал в бешенство и заорал.

«Драконы» как по команде замолчали, а Фаррис, продолжая орать, начал с силой дёргать цепь на себя. После нескольких рывков мужчина поморщился и разжал ладонь. Стальные шипы, пронзившие руку, сразу же пришли в движение, разрывая кожу и мясо предплечья в клочья. Брызнула кровь, и мужчина затряс рукой, пытаясь стряхнуть с себя цепь.

Издав победный крик, Фаррис рванул цепь в последний раз, и та слетела с руки, оставив после себя кровавое месиво.

– А как тебе такое, а, дерьмо?! – расхохотался Фаррис, подтягивая окровавленную цепь к себе. – Тебе пиздец, вонючий нарик...

– Стойте!

Громкий и очень испуганный женский голос заставил Фарриса обернуться. Сандра, до этого находившаяся за спинами «Драконов», выступила вперёд с белым как мел лицом. Цокая каблуками, она подбежала к Уиллу и начала что-то шептать на ухо, поглядывая то

на Фарриса, то на мужчину, который уселся на землю и доставал из нагрудного кармана красный обезболивающий бинт.

Ухмылка медленно сползала с лица главаря «Драконов». Уилл со страхом взглянул на Сандру, потом на Фарриса и сиплым голосом сказал:

– Пацан, иди сюда.

– Уилл, я...

– **БЫСТРО ИДИ СЮДА, ТУПОРЫЛЫЙ КУСОК ДЕРЬМА!** – заорал Уилл. Лицо его было, как у человека, которого мучают спазмы.

Фаррис, понимая, что что-то явно пошло не так и с Уиллом сейчас лучше не спорить, нехотя вернулся к «Драконам». Уилл тем временем подошёл к мужчине, который бинтовал повреждённую руку, и заговорил:

– Эм... послушай... Кросс, так ведь тебя зовут, да? Так вот, Кросс, я... то есть мы... извиняемся за это... кхм... недоразумение.

Уилл сделал паузу, ожидая какого-либо ответа, но Кросс молча продолжал бинтовать руку.

– Мы просто... ну, не узнали тебя. Ну, то есть тебя узнала Сандра... и хорошо, что вообще узнала, так? – нервно хихикнул Уилл. Кросс молча посмотрел на него исподлобья, но ничего не сказал. Сглотнув, Уилл продолжил:

– Давай мы все просто забудем о том, что здесь сегодня произошло, лады? Ты... кхм... ты никому не расскажешь об этом, а мы... ну, мы окажем тебе любую помощь, когда бы она тебе ни потребовалась. У нас влиятельная банда и много возможностей...

– Съебали на хер отсюда, – сказал Кросс.

– Эм... да, хорошо, мы уже уходим. – Уилл оглянулся и кивком головы отдал приказ «Драконам». Тех уговаривать не пришлось (Сандра уже всё им рассказала), и члены банды по двое, по трое, чуть ли не бегом начали расходиться. Уилл чуть замешкался.

– Так что, Кросс, мы... э-э... договорились? – услышал Фаррис. – Большой Босс не узнает?

Ответа не последовало, и Уилл, тихо выругавшись, ушёл.

* * *

Регенерон в бинте уже начал действовать. Боль медленно отступала.

Выродки. Хотя я тоже хорош...

Утерев струйку крови вперемежку с интоксом, стекающую из носа, Кросс направился обратно в бар. Драка развеяла передоз, и ему было уже лучше. Только вот рука...

После яркого света фонаря на заднем двореке внутренние помещения бара казались совсем тёмными. Кросс проскочил через подсобку, заваленную коробками и ящиками, и очутился в самом баре. Небольшое помещение на двадцать столиков сегодня было забито до отказа. Публика здесь собиралась самая разная – в углу двое моряков уламывали бледную шлюху на трио. Та по-дурацки хихикала, прикрывая рот ладонью, но по ней было видно, что она совсем не против. Возле огромного кактуса рядом со входом сидел человек с большой спутанной бородой, сильно напоминающей птичье гнездо. В воздухе витал привычный для таких мест запах крепкого алкоголя, сигаретного дыма и жареного мяса с луком.

Кросс, не глядя по сторонам, направился к барной стойке. Залез на высокий крутящийся стул, взглянул в зеркало, висевшее на стене за баром, и вытер рукавом остатки крови и интокса.

– Рэй, твой товар – дерьмо, – произнёс Кросс, обращаясь к высокому бармену, протирающему стойку.

– Ты мне постоянно это твердишь и всё же покупаешь, – отозвался Рэй, не прерывая своего занятия. – Желаеть сменить поставщика?

Кросс промолчал. Отхлебнул из стакана, оставленного на стойке прошлым клиентом, и поморщился.

– То-то же. И кстати, не пил бы ты эту дрянь – тут тип сидел с воот-такенной бляшкой на губе.

Кросс отставил стакан подальше:

– Раньше не мог сказать?

Рэй мелодично рассмеялся и хлопнул по полированной поверхности стойки ладонью:

– Да брось! В тебе имплантов больше, чем чирьев на заднице моей мамы, ничего с тобой не случится. Держи. – Рэй быстрым движением плеснул слипа⁶ в стопку и катнул её Кроссу, расплескав несколько капель. Тот поймал её повреждённой рукой и скривился.

– За счёт заведения?

– Ага, а ещё можешь трахнуть мою сестру.

– Тебе кто-нибудь, кроме меня, говорил, что ты жлоб? – пробормотал Кросс, проводя ладонью над считывающим устройством.

– Говорили. Мне похер. – Рэй перегнулся через стойку и наклонился поближе: – Так вот, возвращаясь к делу. Та красотка, что заходила утром, интересовалась установкой имплантов. По виду – типичная «мамочка» из верхнего города. И при деньгах. Что скажешь?

Кросс ответил не сразу. Опрокинул в себя стопку слипа, подождал, пока он обжигающей струей не скользнёт в желудок. Побарабанил пальцами правой руки по столу.

– Люблю таких, – наконец сказал он. – Симпатичная?

– Ходячий секс, – заверил его Рэй. – И, похоже, очутилась тут первый раз. Такая испуганная, такая стесняющаяся...

Кросс представил себе эту дамочку. Вот она входит в бар. Глаза большие, с испугом стреляющие по сторонам: она тут в первый раз, знакомых и друзей нет. Её тело собирает на себе все похотливые взгляды здешних «альфачей», от чего её щёчки пылают ярче неоновой рекламы. Она инстинктивно поправляет одежду, и только сейчас начинает понимать, что в подобные места нужно приходиться закутанной с ног до головы. А лучше вообще не приходиться. Не глядя по сторонам, она садится за стойку и дрожащим голосом спрашивает: туда ли она попала? Здесь ли можно получить информацию о подпольных клиниках? Голос высокий, дрожит от напряжения. Возможно, слегка заикается. Ведь она нарушает закон, и если попадётся...

Вау. Это охереть как заводит!

Вслух Кросс уточнил:

– Не говорила, чего именно хочет?

– Нет, не говорила. Обещала прийти завтра. Дать ей адресок?

Кросс задумался.

Получив его адрес, «мамочка» наверняка заявится в тот же день. А оперировать с развороченной рукой – всё равно что проводить операцию на мозге самому себе. Хотя последнее имело место быть... но лучше не рисковать. Это только законченным имплантам по боку, как пройдёт операция – да хоть ржавым ножом. А терять богатенького клиента очень и очень нежелательно... Босс его за это по головке не погладит.

– Эй, алло! – Рэй щёлкнул пальцами перед носом Кросса, выводя из задумчивости. – Так что?

– Нет, не надо.

– А что так?

Кросс закатал рукав и показал забинтованную руку. Рэй присвистнул.

– Что случилось?

⁶ Слип – 40-градусный алкогольный напиток на основе листьев пойма.

– Поскользнулся, когда дрочил в душе. Не твоё дело, ущербный. Лучше позвони, как она будет здесь. – Кросс встал со стула. – Пообщаюсь лично.

– Лады. Уже пошёл?

– Ага. Не могу созерцать твою рожу дольше десяти минут в день.

– И вам хорошего вечера, мистер! – Рэй показал ему большой палец. Кросс махнул ему рукой, оттолкнул какого-то пьяницу, стремящегося на освободившееся место, и покинул бар.

Его дом находился всего в полукилометре вверх по улице, и вскоре Кросс уже открывал дверь квартиры на третьем этаже. Хирург ввёл шестизначный код, приложил подушечку большого пальца к серому пятну в середине двери. Затем, повозившись, выудил из кармана ключи и отпер механический замок. Дверь с тихим скрипом отворилась, пропуская хозяина внутрь. В квартире было темно. Кросс, не разуваясь и не включая света, направился в спальню. Проходя мимо холодильника, помедлил.

Может, перекусить? А, нахер...

Добравшись до спальни, он провёл пальцем по сенсорной полоске на стене, включая голографический настенный экран. Мертвенно-бледный свет залил совершенно пустую комнату. Ещё одно движение по сенсору – из ниш в полу и стенах появилась мебель: кровать, два кресла и стеклянный журнальный столик. Схватив тонкий планшет, лежавший на столике, Кросс рухнул на кровать. С минуту он раздумывал – сразу лечь спать или немного поработать? Или...

Кросс вспомнил слова Рэя: «ходячий секс». И быстро написал на планшете: «Сильвия вибратор соло». Выбрал по превью понравившееся видео, отмотал его чуть дальше начала.

Экран на стене засветился ярче, проецируя качественное трёхмерное изображение горячей Сильвии Бласт прямо на кровать. Девушка уже избавилась от трусиков, а через секунду – и от лифчика, обнажая великолепную грудь. Изящными, длинными пальцами она медленно ласкала себя. Слегка прикушенная губа, выразительный взгляд огромных карих глаз говорили только одно: *давай, красавчик, я вся твоя. Сделай меня.*

– Непременно, малышка, непременно, – сказал Кросс, запуская здоровую руку в штаны.

Разрядившись, он, как обычно, почувствовал отвращение. Вот что стоило снять какую-нибудь девку, пусть даже и шлюху? Но так лень было этим заниматься.

Откинувшись на кровать, Кросс вырубился. Сильвия ещё какое-то время забавлялась с вибратором, но потом экран погас, и комната погрузилась во тьму.

* * *

Кросс с трудом разлепил веки. Голубые цифры в уголке глаза показывали половину шестого утра.

В принципе, можно дойти до клиники. Да, пожалуй, так и сделаю.

Он умылся, пригладил взъерошенные волосы. Взглянул в зеркало. Провёл по трёхдневной щетине рукой.

Надо бы побриться. А ещё лучше – вмазать интокса.

Кросс открыл настенный шкафчик и достал плоскую коробочку. Выдвинув ногтевую пластинку мизинца, Кросс зачерпнул бурого порошка, поднёс палец к левой ноздре и вдохнул. Потом повторил операцию с другой ноздрей.

Через несколько минут повеселевший Кросс уже шёл по улице. После дозы зрочки приобрели повышенную чувствительность к свету, и Кросс затемнил линзы. Глаза превратились в чёрные провалы на лице. Выглядело жутковато, но смотреть на это было некому – портовый район ещё не проснулся, за исключением разве что копошащегося в мусорном баке бродяги. А тому было наплевать на провалы – своих в жизни хватало.

Кросс подходил ко входу в клинику, по внешнему виду – обычному подвалу. Он спустился по широким каменным ступеням, влажным от ночного дождя, и остановился перед

зелёной обшарпанной дверью. Приложил палец к небольшому серому пятну, и дверь с тихим шелестом скрылась в стене. Когда Кросс вошёл внутрь, дверь встала на место.

Внутри ждала ещё одна проверка, никак внешне не проявляющаяся. Пока Кросс шёл по тёмному коридору, его тело под прицелом парализаторов рассекал невидимый сканирующий луч, выявляя несоответствия в памяти компьютера. Всё было в порядке.

Когда он дошёл до конца коридора, идентификация полностью завершилась и серо-металлическая дверь, так же как и её предшественница, плавно спряталась в стене. Приятный женский голос из динамиков поприветствовал вошедшего:

– Доброе утро, Кросс.

– И тебе, Сюзи.

Кросс оказался в просторном помещении, облицованном серым кафелем. По периметру располагалось несколько окон, которые окнами вовсе не являлись – обычные голо-экраны, на которые с внешних камер выводилось изображение того или иного участка. Хотя иллюзия окон была полной.

Возле стен стояли стойки с оборудованием. Поскольку публика сюда заявлялась самая разная, Большой Босс решил перестраховаться – в каждом инструменте стоял маркирующий чип. Так что любителей позариться на чужое добро находили очень быстро. Кросс считал это идиотизмом – проще было всё спрятать, чтобы не возникало соблазна. Но раз Босс хочет наказывать воров – его право. Вообще, Кросс был во многом не согласен с ним. Ему не нравилась манера Босса управлять, не нравились его методы и его люди, не нравился он сам. Но пока Кросс ничего не мог с этим поделать.

Ключевое слово «пока», сволочь.

Кросс бросил чёрную кожаную куртку на вращающийся пластиковый стул для посетителей и прошёл за рабочий стол. Не успел он сесть, как на панели замерцала синяя лампа. Клиент.

Кросс посмотрел на монитор. Возле зелёной двери стояла девушка лет двадцати пяти, по шею запакованная в латекс и кожу, щедро украшенную клёпками и шипами. Девушка переминалась с ноги на ногу и нервно озиралась. Кроссу она показалась знакомой, но точно вспомнить, где её видел, он не смог.

Подождав несколько секунд, нейрохирург нажал на панель, открывая внешнюю дверь. Девушка вздрогнула и, вздохнув, прошла внутрь.

Через минуту открылась внутренняя дверь, пропуская клиентку. Она осторожно приподняла руку с металлическими когтями в приветственном жесте.

– Привет, Кросс. – Голос её был тихим и в какой-то мере даже заискивающим.

– Привет... эм...

– Сандра.

Вот теперь Кросс вспомнил, где он её видел. Вчера она выглядела куда более испуганной. Хирург с шумом встал из-за стола:

– Скажу тебе то же самое, что и жирному, – съебала отсюда!

Улыбка моментально исчезла с лица гостьи.

– Кросс, постой, я... я не виновата во вчерашнем, ты же понимаешь. – Сандра набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– Да я вообще спасла тебя!

– Ты спасала только свою прелестную жопку, – хмыкнул Кросс.

– Возможно, – согласилась Сандра. – Но какая разница? Тебе бы переломали все кости, если бы я не вмешалась.

Кросс поёжился. В общем-то, она была права, и во вчерашней ситуации по большому счёту был виноват он сам. Ну, и ещё интокс. А она... она действительно разрешила ситуацию.

– Зачем ты пришла? – спросил Кросс. – Тебя послал этот?..

– Уилл? Нет, он не знает, что я здесь. – Сандра, видимо, почувствовала, что диалог налаживается, и села на стул для посетителей, неторопливо закинув ногу на ногу. – Как и никто из «Драконов». Можно закурить?

– Валяй, – разрешил Кросс. – Пепельница в подлокотнике.

Сандра кивнула и, поиграв металлическими когтями, раскурила сигарету, картинно выпустив несколько струек дыма, причудливо закружившихся в свете ламп. Прищурился, девушка посмотрела на Кросса. Разве что губу не прикусила. Кросс усмехнулся:

– Ты прямо ёбаная королева нуара.

Сандра не отреагировала на сочащуюся сарказмом колкость.

– Я подумала, что раз уж я... помогла тебе, то ты сможешь помочь мне.

Кросс промолчал, давая возможность Сандре договорить. Выставить её он всегда успеет. Сандра продолжила:

– Мне бы не помешали новые импланты, но проблема в том, что я сейчас несколько стеснена в средствах и... – ещё одна струйка дыма отправилась под потолок. – И я надеялась, что ты сможешь мне в этом. Небесплатно, разумеется, – торопливо добавила Сандра. – По ценам Гоббса.

– Ха! Ты серьёзно? Максимум, что я могу сделать за эту цену, – отполировать твои коготки. – Он пошевелил пальцами в воздухе. – Ты вообще с головой дружишь? Ты имплантируешься у этого мясника?

– Зато дёшево. Извини, но не все могут себе позволить... тебя. – Сандра затушила окурок об язык. Окурок зашипел, и девушка проглотила его.

Кросс поморщился:

– Ну есть же пепельница...

– Контейнер для отходов. – Сандра похлопала себя по правому боку и наклонилась вперёд. – Ну пожалуйста, Кросс... ты ведь лучший в этом дерьме, что тебе стоит? Ну хочешь, я отсосую? В качестве дополнительной платы? Гоббс недавно установил мне вакуумную помпу. Тебе понравится, я уверена...

– Это звучало бы намного привлекательнее, не проглоти ты минуту назад долбаный окурок. – Кросс осторожно пощупал раненую руку и скривился. – А учитывая, что в тебе ковылялся Гоббс, это будет эквивалентом того, чтобы сунуть хер в мясорубку.

– Никто пока не жаловался, – возмутилась Сандра. – Ну, тогда без отсоса. Что скажешь?

– Сначала скажи, что именно ты хочешь, а там посмотрим.

На лице Сандры засияла улыбка. Она ткнула себя в правое предплечье:

– Я хочу заменить себе кость. На выдвижную, керамопластик. Вот эту, не знаю, как называется.

– Там их три: лучевая, локтевая, медианная. Какую именно?

– Не еби мне мозги сложными словами. Та, которая посередине, конечно.

Кросс задумался. В принципе, операция эта недолгая, дешёвая, и самое главное – не очень сложная, что с учётом повреждённой руки было очень важным критерием. И к тому же где-то у него в глубине всё ещё находились остатки совести, которые не позволяли Кроссу вышвырнуть имплантку из клиники. Благодарность, все дела...

– Хорошо.

Сандра аж подскочила на стуле. Кросс поднял руку:

– Я не закончил. Два момента – выдвигаться кость будет по нажатию... скажем, на локтевой сустав. Пойдёт? Супер. Нейроинтерфейс я установить сейчас не смогу – спасибо скажешь своим дружкам. – Кросс показал бинт на руке. – И второе – отверстие под кость потом сделаешь у Гоббса. Хотя я бы рекомендовал заглянуть к Тори – она спец по... кхм... отверстиям. Будет ненамного дороже, но качественней. Устраивает такой расклад?

– Да. Спасибо, Кросс!

– Интокс, бухло, кристаллы за последние сутки принимала?

– Только глир. – Сандра уже начала раздеваться.

– Ясно. Не здесь, иди в операционную. – Кросс указал на дверь. – Как разденешься – на стол, лицом вниз.

Сандра кивнула, быстро ушла в соседнюю комнату и, не закрывая двери, начала стягивать с себя латекс. Девушка стояла спиной, и Кросс, не справившись с любопытством, повернул голову через плечо, рассматривая подтянутое, но изувеченное и залатанное тело Сандры. Сигаретные ожоги по всей спине, крупные гематомы на ягодицах и бёдрах – и шрамы, шрамы, шрамы... нетрудно было понять, откуда они взялись, – одна девушка в банде на кучу парней, маргинальный образ жизни, контейнер для отходов в брюхе – скорее всего, Сандра выступала в роли секс-игрушки для толпы садистов. Даже немного жалко – девчонка красивая.

Сандра улеглась на стол, абсолютно голая. Кросс, не говоря ни слова, надел на неё маску и пустил газ. Сандра что-то говорила, но Кросс молчал до тех пор, пока девушка не отключилась. Затем включил дезинфицирующие лампы – операционную залил ослепительный белый свет.

– Сюзи.

– Да, Кросс?

– Сорок пятый плейлист.

Помещение наполнилось квакающим голосом Доррлайла. Кросс исполнил несколько энергичных па, изобразил игру на гитаре и барабанах, после чего, затемнив глазные импланты, начал подключение к нервной системе Сандры.

* * *

Кросс закончил через несколько часов, напортачив всего раз. Повреждённая рука дрогнула в самый неподходящий момент, из-за чего Кросс пережёг несколько лишних нервов. Последствия он ликвидировал быстро, но этот случай ещё раз убедил его в том, что рановато приниматься за богатеньких клиентов. О чём он и написал Боссу.

Минут через пять после того, как счастливая Сандра покинула клинику, у Кросса в ухе завибрировал крошечный телефон. В уголке глаза вылезла надпись: Охереть Какой Большой Босс.

Кросс вздохнул. Глупо было надеяться на то, что Босс не перезвонит после такого сообщения.

– Да, Босс, слушаю.

– Кросстан. – Чуть задыхающийся голос говорил о том, что письмо Кросса отвлекло Босса от ежедневной тренировки. – В чём дело, парень?

– Я же написал. – Кросс изобразил удивление.

– Да, я видел. Но я хочу знать, кто это сделал. И не нужно мне лгать, Кросстан.

Некоторое время Кросс молчал. Рассказать, нет? С одной стороны, банда ему больше не угрожала, но с другой... Кросс вспомнил ожоги и рубцы на теле Сандры и о том, что девка не просила о помощи своим друзьям, хотя не могла не знать, что случится, узнай Босс о произошедшем.

– Кросстан?

– Я тут. – Он принял решение. – Я запомнил имя их главаря. Уилл, кажется. Здоровенный, жирный, маленькие глазки. С ним человек десять-пятнадцать... – Кросс вспомнил слова Сандры и добавил:

– Вроде название банды как-то связано с драконами.

– Достаточно. Моннки, ты слышал? Знаешь, кто это? Отлично, разберись...

– У меня просьба, – торопливо добавил Кросс.

– Говори.

– С ними есть одна девушка, Сандра. – Кросс повертел в руках зажим, на котором ещё оставалась кровь прооперированной девушки, и кинул его в дезинфекционный контейнер. – По... кхм... пожалуйста, Босс, не трогайте её. Если бы не она, возможно, я бы с вами сейчас не разговаривал.

Секундная пауза.

– Хорошо, я тебя услышал, Кросстан. Теперь скажи мне одну вещь – ты снова был под интоксом?

Кросс замешкался. Это и послужило ответом. Голос в ухе тяжело вздохнул:

– Я тебя предупреждаю в последний раз, Кросстан. Тебе нужно завязать. Сделай это, пока я прошу по-хорошему. Ты меня понял?

– Я... – В горле вдруг пересохло. Это была угроза? – Да, я понял, Босс.

– Славно. Теперь мы поступим так – ты выметаешься сегодня из клиники, и не появляешься там, пока не будешь в полном порядке. Не хочу, чтобы ты рисковал моей репутацией. Скажи, ты сегодня оперировал только эту... Сандру?

Проницательная сволочь. Я ведь ещё не вбивал её данные.

– Да, Босс.

– Так... Моннки, распредели клиентов Кросстана между другими... – Моннки что-то начал возмущённо возражать, но Босс его тут же перебил: – Значит, придумай что-нибудь, меня это не волнует. И не испытывай моё терпение.

Кросс терпеливо ждал, пока Босс закончит раздавать указания.

– Итак, ты понял меня, Кросстан? Повтори.

– Выметаюсь из клиники, и не появляюсь, пока не буду в полном порядке. Не рискую вашей репутацией.

– И?

– И... и завязываю с интоксом.

– Славно. Выздоровливай. – Босс отключился.

– Говнюк, – пробормотал Кросс.

Надеюсь, ты воспользуешься шансом, Сандра.

Закончив уборку операционной, он вышел в приёмную.

Что ж, день был свободен. Снова идти в бар и нажраться в сопли? Или поработать над новыми имплантами? В последнее время он всё чаще забрасывал разработки на полпути, в чём винил всех и вся, кроме интокса. Интокс... ин-токс... и-н-т-о-к-с...

Прекращай столько думать о буром, дружок, – прошептал в голове чей-то голос. Но Кросс только отмахнулся. Он разберётся с этим, но попозже. Не сегодня. Накинув куртку, он прошёл через внутреннюю и внешнюю двери.

Трахнусь. Сегодня трахнусь.

Кросс расхохотался и быстрым шагом направился в бар.

* * *

Проснулся Кросс под утро от ощущения присутствия постороннего. Сначала он списал это на сон, но после пробуждения чувство, что за ним наблюдают, не прошло. Посмотрел на шлюху, лежащую рядом. Шлёпнул по ягодице – девушка даже не шелохнулась. Ещё бы – так накачаться халявным интоксом не каждый день удаётся.

Нет, СВП⁷ не из-за шлюхи. Тогда в чём дело?

⁷ Синдром Воплощённого Присутствия. Психологический эффект, характеризующийся ошибочным ощущением присутствия постороннего существа в непосредственной близости.

Кросс осмотрел спальню и нашёл причину беспокойства.
В углу стоял Старик.
Кросс облегчённо выдохнул и рухнул на кровать:
– А. Это ты.

Глава 5

Приложив палец к губам, Кросс указал Старику на дверь. Тот послушно проследовал в коридор. Хирург, не одеваясь, вышел следом.

– Ну?

– Привет, Кросс.

– Привет. Что на этот раз?

– Выстрел в голову.

– Понятно. Ну, мой ответ ты знаешь.

Никакой реакции. Тупая машина не уйдёт, пока не спросишь.

– Ну, ладно. Когда?

– Завтра в пять двадцать восемь. Кросс, у тебя есть выбор. Ты можешь уйти со мной или умереть здесь. Подумай как следует, и завтра, когда я приду, сообщи о своём решении. В твой чип уже поставлена метка компенсации. Жаль, что так вышло. Удачи.

– Можешь не приходить, я уже решил, что останусь, – зевнув, сказал Кросс.

Старик кивнул и исчез.

Взаимоотношения Кросса со Стариками складывались странным образом. Старик приходил к нему около сорока раз, и четырнадцать из них – за последний год, однажды даже с промежутком в пару дней. С учётом того образа жизни, который вёл Кросс, это было нормально. Ненормальность заключалась в другом – он не умирал. В принципе, его это устраивало. И было бы совсем хорошо, если бы ещё давали компенсацию – Старик хоть и говорил о ней, но компенсацию предоставили только в первый раз.

Иногда Кросса переключивало, и он хотел сказать Старику: *давай, забирай меня*. Но... куда? Насколько ему было известно, никакие эксперименты не давали ответов. Человек бесследно исчезал из этого мира. Если наука бессильна – обратиться к эзотерике или религии, что некоторые и делали. Но и там с ответами негусто – *та сторона* Создателя, цикл вечного перерождения, как верили в Айке и ему подобных городах-государствах, или тёплая тьма Великого Старца, в которой надеялись оказаться члены набирающего популярность культа Старых Искупителей.

Когда-нибудь он решится уйти. Наверное. Но не сейчас. Кросс не был готов променять какую-никакую, но жизнь на возможное забвение.

Он выкурил несколько сигарет и вернулся в кровать. Шлюха лежала на спине, разметав в стороны руки и ноги. Кросс покачал головой, перевернул её на бок и лёг рядом. После минутного раздумья прижался к тёплому телу и, обхватив руками, уснул.

* * *

Кросса разбудил виброзвонок. Спросонья он сперва не мог определить, что это за звук, напоминающий жужжание назойливого насекомого, летающего ночью над ухом. И только открыв глаза, он увидел светло-синюю надпись в уголке глаза – «Рэй».

Кросс ответил не сразу. Лёжа на кровати, абсолютно голый, он крутил головой по сторонам, пытаясь вспомнить, почему он не под одеялом. Вряд ли он скинул его сам – ночь была прохладной, а окно наполовину открыто. Он перегнулся через край кровати.

Вот же сучка.

Девка лежала на полу, завёрнутая в одеяло. Губы у неё посинели, она вся дрожала. В принципе, Кросс мог бы оставить ей одеяло – сам он не успел замёрзнуть, видимо, за ночь пару раз включался термоимплант. Но твою мать, это всего лишь шлюха! Кросс несильно пнул её ногой. Девка что-то просипела и разлепила опухшие глаза.

– Холодно, – пожаловалась она.

– Да, я знаю, малышка. Поэтому тебе лучше одеться и свалить на хер из моего дома как можно скорее. – Жужжание в ухе сводило с ума.

А можно, например, просто ответить. Как тебе такое?

Кросс мысленно оценил свою мудрость на пять с плюсом и дотронулся до мочки уха.

– Да? – спросил он, наблюдая за оскорблённой представительницей древнейшей профессии, которая, словно сомнамбула, бродила по комнате, собирая разбросанные вещи.

– Ты что, опять обдолбался? – Рэй даже не потрудился поздороваться. – Удобно говорить?

– Был бы признателен, если бы ты заткнулся на пару минут. Я не один.

Рэй только хмыкнул. Шлюха тем временем оделась и стояла возле двери, барабанила по ней каблуком. Кросс нажал два раза на планшет, лежащий на прикроватной тумбочке, и дверь скрылась в стене. «Дама» обернулась напоследок и показала хозяину квартиры средний палец. Кросс в ответ послал воздушный поцелуй. Та «схватила» его, неистово протёрла себе промежность и «швырнула» обратно. После чего выскочила за дверь.

– Она тебя сделала, дружище, – хохотнул Рэй.

– Дерьмо. Я что, включил видео?

– Ага. Кстати, не смотри больше на свой хер – моя психика может не выдержать.

Выругавшись, Кросс отключил видеотрансляцию.

– Можно поинтересоваться, какого хера ты звонишь мне так рано?

– Рано? Уже час дня.

– Дерьмо, – повторил Кросс.

– Ага. Как рука?

Кросс поглядел на руку и осторожно её пощупал. Покрутил рукой в разные стороны. Вроде всё было в порядке, но небольшой дискомфорт ощущался. Ну и отлично. Хороший повод, чтобы отдохнуть ещё денёк.

– Ещё болит, – ответил он. – Но завтра точно буду на ногах. То есть... короче, отъебись.

Рэй опять рассмеялся своим фирменным мелодичным смехом. Кросс подумал, что так могла бы хихикать какая-нибудь высокородная дама в высшем свете. Хотя как знать, может, Рэй когда-то и был вхож в подобное общество. Объект размышлений Кросса, закончив смеяться, перешёл к делу:

– Короче, парень. Ты просил – я выполняю. Код «мамочка».

Кросс вспомнил вчерашний разговор.

– Она сейчас у тебя?

– Именно. И на твоём месте я бы поторопился, а то на нашу красотку уже поглядывает половина бара.

– Понял. Скоро буду.

Рэй отключился, а Кросс поплёлся в ванную. Немного подумав, всё-таки побрился, оставив небольшую царапину под ухом, которая, впрочем, через пару минут уже затянулась.

Хороший всё-таки имплант.

Почти не осознавая, что делает, Кросс зачерпнул интокс ногтевой пластинкой. Вот теперь можно было идти. Стоп. Оставался суший пустяк – надо было одеться.

* * *

Когда Кросс очутился в баре, он сразу заметил особу, про которую говорил Рэй. Выглядела она действительно шикарно – статная женщина лет сорока, лицо практически не тронута морщинами, чёрные волосы собраны в тугий пучок на затылке, белое платье с огромным декольте облегалo стройную фигуру. «Мамочка» пила коктейль нежно-розового

цвета и так сексуально облизывала соломинку, что Кросс почувствовал нарастающее возбуждение, хотя и трахался совсем недавно.

И как же ты добралась сюда в таком виде?

Он сделал знак Рэю, знакомый каждому бармену портового района: *как обычно*. После чего подошёл к столику «мамочки».

Будь галантен, остроумен и приветлив. И, может быть, ты побарахтаешься в этих сиськах.

Женщина посмотрела на него. Низким грудным голосом, от которого мурашки забегали по коже, она спросила:

– Это вы Кросстан?

Вау. Вот это голосок.

Кросс кивнул и сел напротив. Взгляд то и дело пытался опуститься ниже линии её шеи, но колоссальным усилием воли он заставил себя смотреть в глаза будущей, как он надеялся... ну, допустим, клиентке.

– Итак, миссис...

– Я не замужем. И прошу вас, Кросстан, называйте меня просто Инес.

– Как пожелаете, Инес. Я бы и вас попросил называть меня Кроссом, но я тащусь от того, как вы произносите моё полное имя.

«Мамочка» рассмеялась, обнажая белоснежные зубы:

– А вы умеете делать комплименты, Кросстан!

Тем временем Рэй поставил перед Кроссом бокал. Уходя, бармен не преминул как следует рассмотреть декольте.

Вот сволочь, даже не поленился сам пиво притащить.

– У меня было много случаев попрактиковаться. – Кросс сделал глоток. – Итак, Инес, чем могу быть полезен?

– Я надеялась, что мы поговорим наедине. – Инес нахмурилась.

– Не беспокойтесь, тут нам никто не помешает. В порту не так много действительно удивительных, и самое главное – безопасных мест. Это одно из них. Так что говорите смело.

Инес огляделась. И сразу же несколько охочих до женского тела личностей отвели взгляды в сторону.

Рэй, заметивший это, хохотнул у себя за барной стойкой.

– Ну хорошо, – сказала женщина. – Начну издали, если вы не против, Кросстан.

Издали, ну да. Он-то думал, она просто скажет, куда и какой имплант ей впихнуть. А потом они мило побеседуют, может, прогуляются. Но потом Кросс решил, что так даже лучше. Если он покажет себя заинтересованным слушателем, это даст ему немного очков.

– Конечно не против.

В тамбуре началась какая-то возня и крики. Все присутствующие повернули головы на шум.

В бар ворвался бродяга. Взгляд его был совершенно безумен, зрачки метались из стороны в сторону, не задерживаясь на одной точке ни на миг. Человек тяжело дышал, на губах пузырилась слюна. Он остановился на секунду, переводя дух. Ближайшие посетители зажали носы и отвернулись.

В дверях появился вышибала. Он поднял руки в успокаивающем жесте и сказал:

– Брось, Морри. Давай без глупостей.

– Нет! Пошёл на хуй! – взвизгнул бродяга. – Люди должны знать правду, и ты не мешаешь им узнать!

– Морри, твою мать! – гаркнул охранник. – Не вынуждай меня выбивать из тебя дерьмо!

Наблюдая за этой сценой, Кросс ощутил прикосновение: Инес сжала его руку. Выглядела женщина испуганной. Хирург накрыл её ладонь своей и успокаивающе погладил бархатную кожу:

– Не бойтесь, Инес, это местный псих. Пару раз в месяц на него снисходит «откровение», которым он жаждет поделиться. Через минуту его отсюда выведут, не переживайте.

Инес кивнула, не сводя глаз с бродяги.

Морри увернулся от рванувшегося к нему вышибалы, отбежал на несколько шагов и завопил:

– Люди, вас всех наёбывают! Правительство вас наёбывает! Вы продаёте себя, свою душу, за поганую компенсацию! Вечное рабство – вы этого хотите? Я всё это видел, я сбежал оттуда. Ни за что не уходите со Стариками! Это...

Вышибала сделал удачный бросок и схватил Морри за полу пальто. Бродяга попытался вырваться, но получил удар в нос и обмяк. Охранник почти что бережно подхватил его и потащил к выходу. Как только они покинули бар, посетители вернулись к своим делам. Выбежала официантка с мокрой тряпкой и принялась затирать капли крови на полу.

– Как я и говорил, Инес. – Кросс продолжал гладить тёплую ладонь «мамочки», чувствуя, как растёт возбуждение. – Не о чем беспокоиться.

Инес, похоже, только сейчас осознала, что всё ещё сжимает руку хирурга, и поспешно отдернула её. Кросс с сожалением вздохнул.

После продолжительной паузы Инес произнесла:

– Возмутительное невежество.

– Что? – не понял Кросс. – Вы о чём?

– О еретических речах этого... бродяги. – Выглядела Инес оскорблённой.

– Эм... боюсь, Инес, я не совсем вас понимаю.

– Кросстан, вы слышали что-нибудь о Церкви Старых Искупителей?

Конечно, он слышал. Обычный культ, или секта, как называли её некоторые, зародившаяся в первые годы после того, как старики стали автономными, перестав подчиняться заложенной в них программе. Эти фанатики считали, что Старые Искупители – Старики – посланы на землю Великим Старцем в наказание за то, что человечество попыталось избежать смерти.

Кросс загрустил – он никогда бы не подумал, что такая шикарная дамочка может быть сектанткой. Но мрачные мысли тут же испарились, едва хирург взглянул на декольте Инес.

Кросс рассказал о том, что ему было известно. Инес кивнула:

– Да, правильно. Мы действительно в это верим. – В голосе прозвучали нотки гордости. Кросс едва удержался, чтобы не фыркнуть. – Поэтому для меня было неприятно слушать... этого человека.

– Поверьте, это никому неприятно, – сказал Кросс, но Инес не услышала:

– Ещё мы верим в то, что если человечество будет использовать технический прогресс по минимуму, во искупление прошлых грехов, то сможет избежать того места, куда Старые Искупители забирают людей, и попасть в тёплую тьму. Но...

Инес сделала паузу, отпив коктейль через соломинку. Облизнула губы.

– Но вот тут и возникла проблема. Дело в том, что у меня в мозгу нашли «пыль». Это, разумеется, ерунда, её лечат в любой стадии, но вот побочные эффекты... – Инес провела рукой по роскошным волосам.

Пыльную лихорадку научились лечить ещё четверть века назад. А вот от побочных эффектов – в частности, полного облысения на время лечения – избавиться не удалось. Конечно, это сущий пустяк, но для большинства женщин эта проблема была очень и очень серьёзной. Решений было несколько, и все одного корня – носить парик или же поставить имплант, заменяющий родные волосы. И Кросс пока не мог взять в толк, почему Инес не обра-

тилась в обычную клинику. Волосяной покров – несложная имплантация и почти не перегружает организм. А вместо этого она рискует, идя на чёрный рынок.

Инес ответила на невысказанный вопрос:

– Конечно, я могла бы обратиться в клинику и мне поставили бы имплант, но... при установке имплантов обязательны записи в карте пациентов. А по моей религии использование определённых технических благ... не разрешается. Вы не подумайте, – поспешно добавила Инес, словно ожидала, что Кросс сейчас вскочит и начнёт показывать на неё пальцем, крича при этом что-то вроде *А! Еретичка! В ней недостаточно веры, съешь её!* – Я целиком и полностью, искренне верю, и никто из братьев и сестёр ни разу не усомнился во мне, но... это облысение... – Инесс содрогнулась.

Теперь Кросс превосходно видел весь расклад. Слабовольная женщина попала в сети культа, пусть и добровольно. Но малейшие трудности – и вот она готова нарушить один из главных постулатов Церкви Старых Искупителей.

– Так вы мне можете помочь? – спросила Инес.

– Конечно. Я помогаю всем, в независимости от того, по каким причинам человек решил нарушить закон.

– И вы не скажете ничего... никому?

– Это не в моих интересах. Среди... хм... братьев и сестёр церкви вполне могут оказаться законники, так что будьте уверены в моём молчании.

– Отлично, – с облегчением вздохнула Инес и улыбнулась. – Спасибо вам большое, Кросстан.

– Скажите ещё раз.

– Кросстан... – улыбка женщины сделалась шире.

– Кайф. У вас потрясающий голос. Итак, мы поступим следующим образом. Сейчас я испытываю небольшие трудности со здоровьем, поэтому операции пока не провожу. Приходите послезавтра. Адрес вам подскажет бармен. И сделайте одолжение, не одевайтесь так откровенно. – Кросс допил пиво и отставил кружку в сторону. – Всё-таки это портовый район, а не Ворген.

– Хорошо, я учту. Что по оплате?

Кросс махнул рукой:

– Забудьте. Имплантация пустяковая.

Ты идиот? Наверное, она в состоянии оплатить, раз имплант пустяковый. А так она поймёт, что ты пытаешься её склеить.

Наверное, схожие мысли пришли и в голову Инес. Её улыбка погасла, и она сказала чуть более холодным тоном:

– И всё же я предпочитаю заплатить.

– Ладно, – пожал плечами Кросс, мысленно матеря себя.

За столиком воцарилось молчание. Инес допила «розовый» коктейль, старательно пряча взгляд. Теперь она выглядела как женщина, которая вдруг осознала, что находится в компании решительно настроенных, похотливых мужчин, и теперь стремилась покинуть это место. Инес первой нарушила затянувшуюся паузу:

– Ну что ж, Кросстан... думаю, мы обговорили все необходимые моменты. Пожалуй, я пойду. Рада была познакомиться с вами. – Она встала со стула и надела полупальто, до этого лежавшее на коленях.

Кросс поднялся следом.

– Позвольте проводить вас, Инес. Вам безопасней, и мне так будет спокойней.

Инес сначала нахмурилась. Потом выдала некое подобие улыбки:

– Почему бы и нет?

Кросс расплатился за пиво и коктейль (вот тут «мамочка» была не против), и они пошли к выходу. Пропустив Инес перед собой в дверях бара, Кросс наконец-то смог рассмотреть её обтянутую платьем попку и длинные ноги в чулках в мелкую сетку. И едва удержался от того, чтобы вмазать себе рукой по лицу.

Так облажаться... поздравляю, кретин. Хотя, может, ещё представится шанс, если правильно себе поведёшь.

Инес объяснила, где она припарковала машину, и теперь они шли по портовому району, изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. И Кросс думал, очень напряжённо думал, как исправить ситуацию.

Когда они оказались у авто Инес, белоснежной «Амори-дуо», Кросс, так ничего толкового и не придумав, решил идти ва-банк:

– Послушайте, Инес... тут недалеко, всего в километре, находится моя клиника. Может, вы бы хотели осмотреть её?

Женщина, уже открывавшая дверь машины, обернулась к нему:

– Кросстан. – Она вздохнула. – Я понимаю, к чему вы клоните. Вы мне очень симпатичны, но давайте поступим следующим образом – наши отношения останутся на деловом уровне. Хоро...

Она неожиданно замолчала и сделала такое, от чего брови Кросса удивлённо поползли вверх: Инес вдруг встала на колени, сложила ладони вместе и склонилась, явно пытаясь достать лбом до грязного и мокрого асфальта. Ткань платья затрещала, но выдержала. «Мамочка» повторила процедуру три раза, а Кросс изумлённо тарачился на бесплатное представление от этой культистки, ничего не понимая.

Ну всё. Двинулась, бедняжка.

И только когда Инес благоговейно прошептала *приветствую тебя, Старый Искупитель*, Кросс додумался оглянуться. Там стоял Старик.

Да вы издеваетесь. Ещё ведь суток не прошло...

Старик, не обращая ни малейшего внимания на воздающую ему почести Инес, привычно поздоровался:

– Привет, Кросс.

Он вдруг понял, что вот он, шанс. Эта фанатичка не знает о его маленькой особенности. Главное теперь – правильно разыграть карты. Кросс напустил на себя самый растерянный вид, на который был способен:

– П-привет.

Заикание? Неплохо, неплохо.

Старик молчал. Инес, поднимаясь с колен, со священным трепетом в глазах переводила взгляд то на голограмму, то на Кросса. Тот вздохнул и как можно тише спросил:

– Когда и как?

– Завтра днём, в три часа ровно. Передозировка интоксом.

Охереть. Это сколько мне нужно его вынюхать, и по какому поводу? Спасибо, что предупредил, папаша.

Вслух же Кросс говорить ничего не стал, только опустил голову.

Старик продолжил, выговаривая стандартные фразы:

– Кросс, у тебя есть выбор. Ты можешь уйти со мной или умереть здесь. Подумай как следует, и завтра, когда я приду, сообщи о своём решении. В твой чип уже поставлена метка компенсации. Жаль, что так вышло. Удачи.

– Можешь не приходить. – Кросс постарался, чтобы его голос звучал печально. – Я давно готовился к этому моменту и решил, что останусь.

Старик кивнул и исчез.

Кросс стоял спиной к Инес, на мгновение даже позабыв о её существовании. Что-то эти Старые Искупители зачастили в последнее время, и это не могло не настораживать. И впервые Старик пришёл с таким коротким промежутком. Как нельзя кстати, конечно, пришёл...

Точно, Инес!

Кросс развернулся. «Мамочка» смотрела на него, широко распахнув глаза, со смесью жалости и ужаса. Кросс пробормотал:

– Ну, похоже, операция отменяется. Мне...

Инес заткнула ему рот поцелуем. Создатель, насколько же у неё мягкие и сочные губы! А уж язык, ураганом гуляющий во рту, и лёгкий запах клубники...

Женщина оторвалась от Кросса, обняла и прошептала на ухо, опаяя горячим дыханием:

– Покажи мне клинику, Кросстан. Желания отмеченных Старыми Искупителями – закон в нашей религии. Ты мне очень нравишься. И постарайся выкинуть все плохие мысли из головы. Если тебя обрадует моё общество, я полностью в твоём распоряжении.

В этот момент Кросс полюбил и долбанных Стариков, и долбаный культ.

– Не откажусь... – прошептал он и выдал печальную улыбку. – В таком случае, нам сюда...

* * *

Они сидели на столе в операционной и пили глир. Вообще, приходиться сюда сегодня не следовало – Босс потом обязательно поинтересуется: а какого, собственно, хера? Но всё это будет потом. Сейчас Кросса интересовала только Инес. И всё проходило просто замечательно. За исключением разве что одной маленькой детали – всё то время, пока они шли до клиники и пока находились внутри, «мамочка» поглядывала на него с такой жалостью и сочувствием, что «обречённого» начало это раздражать.

Пусть смотрит как угодно, потерпишь пару часиков.

Но Кросс всё-таки не удержался:

– Инес... ты не могла бы... не смотреть на меня так? Этот взгляд, он постоянно напоминает мне о том, что...

– Тс-с-с-с, – она прижала указательный палец к его губам. Кросс подавил желание облизать его. – Я тебя поняла, Кросстан. Больше не буду. – Она поцеловала его в щёку.

Да ведь она уже готова! Чего ты ждёшь?

Но Кросс просто кивнул. Не хватало ещё испортить момент.

Инес откинулась назад, облокотившись на руки, отчего грудь визуально стала ещё больше.

– Знаешь, я передумала ставить имплант, – сказала она.

– Это из-за...?

– Ага. Это было знамение. Я усомнилась в своей вере, и Старый Искупитель пришёл, чтобы предупредить меня, дать второй шанс. О, Кросстан... – Инес с ужасом посмотрела на него. – Наверное, это из-за меня. Ради Великого Старца, прости...

Кросс издал какой-то странный звук, напоминавший одновременно всхлип, кашель и икоту. Его распирало от смеха, но он смог сохранить серьёзное выражение лица, и, если не считать звука, это ему удалось на все сто.

– Инес, ты ни в чём не виновата. – Кросс сделал глубокий вдох. – Ты же слышала, что сказал... Старый Искупитель? Передозировка. Я сам виноват. И давай больше не будем об этом, – быстро добавил он, увидев, что Инес открыла рот, видимо, собираясь возразить.

– Хорошо, Кросстан.

Они замолчали. Сделали по паре глотков глира из бутылки, и Кросс перешёл к действиям. Он положил руку на бедро Инес. Покосился на неё – та сидела, закрыв глаза, и вроде

не возражала. Кросс начал постепенное движение вверх, ощущая жар её тела. Когда он добрался до точки соединения ног, Инес задышала громче и чаще.

– Да... – прошептала она.

– Ты делаешь это, потому что тебе хочется или потому что ко мне пришёл Старик? –

Слова вырвались изо рта прежде, чем Кросс успел осознать, что он говорит.

Ты не можешь просто засунуть в неё пальцы? Обязательно надо всё портить?

Инес, похоже, была такого же мнения. Во всяком случае, смотрела она на него, как на идиота.

– Старый Искупитель сыграл не последнюю роль. Но я действительно этого хочу, Кросстан. Так что продолжай, прошу тебя... – она закрыла глаза.

Всё, она тебя хочет. Удовлетворил своё самолюбие? Вперёд!

* * *

Они полусидели-полулежали на операционном столе, прислонённом к стене, на этот раз полностью обнажённые. Инес прижималась к хирургу, а Кросс обнимал её, поглаживая внешнюю сторону бедра.

«Мамочка» оказалась не так проста, как думал Кросс. Видимо, в её секте не было запрета на употребление интокса. Кросс даже узнал несколько новых способов его употребления... неестественными для этого отверстиями, что стало сюрпризом, до удивления странным, но интересным.

Это было... шикарно. Но дело не только в интоксе, верно?

Подобного Кросс не испытывал очень давно. Все эти шлюхи и любительницы халявных имплантов – чистая физиология, разрядка, время от времени необходимая ему. Но секс с Инес напомнил о прошлой жизни, причём настолько отчётливо, что он несколько раз едва не назвал Инес тем самым именем. Именем, из-за которого он и очутился здесь. Именем, которое носила теперь лишь компьютерная система клиники.

Видимо, что-то отразилось на его лице, и Инес обеспокоенно спросила:

– Кросстан? Всё в порядке?

Усилием воли он приказал себе не думать об этом. Не сейчас.

– Всё хорошо, Инес.

Она улыбнулась и больше ни о чём не спрашивала.

Они просидели так почти до полуночи, разговаривая на совершенно разные темы. Инес попыталась рассказать подробнее про Церковь Старых Искупителей и убедить его в том, что станет легче, если он выслушает пастора. Кросс с жалостью посмотрел на Инес и мягко, но настойчиво отказался. Женщина не обиделась: желание отмеченного Старыми Искупителями – закон.

Когда цифры в уголке глаза сменились на четыре нуля, Кросс понял, что хочет побыть один.

– Инес, – сказал он. – Мне было очень хорошо с тобой. Но мне нужно успеть закончить несколько дел, и...

– Я понимаю, – ответила Инес. Они уже оделись и теперь сидели на стульях для посетителей друг напротив друга, допивая остатки глира. – Можешь ничего не объяснять, тебе и так тяжело. Только... проводишь меня до машины?

– Ты же не сядешь за руль в таком состоянии?

– Очень мило, что ты обо мне беспокоишься, – Инес улыбнулась. – Но не стоит, Кросстан.

Позвоню кому-нибудь, меня отвезут. А в машине мне ничто не угрожает, можешь поверить.

Инес достала из кожаной сумочки телефон. Включив дисплей, она нахмурилась:

– Тут не ловит сигнал.

– Меры предосторожности. Все сигналы с незарегистрированных устройств блокируются, во избежание слежки. Ты можешь воспользоваться моим компьютером.

Женщина грациозно встала и направилась к столу, покачивая бёдрами. Кросс молча любовался восхитительными формами. Инес села и коснулась пальцами клавиатуры.

– Тут написано, что доступ запрещён, – пожаловалась Инес, взглянув на хирурга.

– Ах, да... – Кросс щёлкнул пальцами. – Сюзи, дай Инес доступ.

– Да, Кросс, – ответил компьютер клиники. Пауза. – Доступ разрешён.

Когда экран монитора заработал, лицо Инес озарила лёгкая улыбка. Она с минуту что-то печатала, после чего сказала:

– Меня заберут. Можем идти.

Весь путь до автомобиля они молчали. Когда из-за угла показался белый бампер «Амори-Дуо», Инес повернулась к Кроссу:

– Ну что ж, Кросстан, здесь наши пути разойдутся. – Кросс поморщился: слишком пафосно. С другой стороны, Инес не знала всей ситуации. Для неё-то он обречённый. – Я... не знаю, что сказать, на самом деле. Первый раз сталкиваюсь... с таким.

– Зато я знаю, что сказать. – Кросс наклонился и поцеловал женщину в губы. – Спасибо, Инес.

– И тебе, Кросстан.

Она коснулась его на прощание, после чего, не оборачиваясь, направилась к автомобилю. Кросс же развернулся и пошёл обратно.

Мда... в мыслях всё это выглядело иначе – всего лишь быстрый перепахон с последующим выпроваживанием. А получилось... ладно, хороши сопли на кулак наматывать. Сейчас мистер-волишебный-порошок всё исправит.

Кросс вернулся в клинику. Сел на стул, на котором недавно сидела Инес.

– Сюзи?

– Да, Кросс, – ответил до боли знакомый голос.

Всего лишь машина. Помни об этом.

– Я... ничего. Спокойной ночи, Сюзи.

– И тебе, Кросс.

Занюхнув приличную дозу интокса и залив в себя остатки глира, Кросс некоторое время бездумно шатался по клинике, пока его не вырвало на пол. После этого он забрался на операционный стол, где и отрубился.

Глава 6

Кросс приходил в себя. Хоть он и не спал большую часть ночи, а находился без сознания, ему снились сны. Ужасные, кошмарные сновидения, в которых его тело рвали на части монстры, а сам Сэх стоял рядом во плоти, спрашивал Кросса, не хочет ли он *уйти*, чтобы избавиться от боли, и издевательски хохотал.

Когда Кросс пришёл в сознание, он, конечно, ничего этого не помнил, и только тело, болевшее в местах, куда вонзались когти тварей, напоминало о ночных терзаниях.

Кросс разлепил веки, и сразу же сработала автоматика организма, затемнившая глазные яблоки. Он лежал, абсолютно голый, спиной на операционном столе, а в глаза бил ослепительно яркий свет.

Над Кроссом склонились два тёмных силуэта.

– Очнулся? – услышал хирург голос Босса.

Кросс захрипел и попытался приподняться на локтях, но тяжёлая рука легла ему на грудь, придавив к столу.

– Лежи, лежи. Тебе сейчас противопоказано двигаться. Сколько ты вчера вынюхал интокса, ублюдок? – Голос Босса был холоден, как жидкий азот, но по проскочившему ругательству Кросс понял, что тот удерживает себя от вспышки ярости.

– Не помню, – произнёс Кросс и закашлялся.

– Не помню... – эхом повторил Босс. Он достал из нагрудного кармана какой-то прибор, выдвинул из передней части крошечную иглу и с силой ткнул Кросса в плечо. Тот даже не шелохнулся. Босс подождал несколько секунд, пока завершится забор крови, и посмотрел на показания прибора.

– Больше двух граммов. Ты хочешь сдохнуть, Кросстан?

Даже если и захочу, у меня вряд ли получится.

– Ну, если вы так говорите, Босс...

– Закрой свою пасть, и не открывай, пока я не разрешу! – рявкнул Босс.

Глаза Кросса наконец подстроились под внешние факторы, и он смог разглядеть лицо Большого Босса. На обычно гладкой коже, обтягивающей массивный вытянутый череп, бугрились и пульсировали вены, а татуированные глаза светились багровым светом.

Да он же сейчас психанёт.

Босс сделал знак своему ближайшему помощнику, своей правой руке – Моннки. Тот двумя пальцами механической левой руки раздвинул челюсти Кросса, а другой запихнул в рот хирурга белую капсулу.

– Жуи, так эффективнее, – посоветовал Моннки, вытирая облизанные пальцы о простыню. Кросс послушно разгрыз «банку», проглотив вязкое содержимое, после чего языком вытолкнул бесполезные остатки оболочки.

– Молодец.

«Банка» подействовала почти моментально. Головная боль прошла, уступив место лёгкой дезориентации, суставы перестало ломить.

Помощник Босса выключил лампу над головой Кросса.

– Теперь вставай.

Кросс послушно предпринял попытку слезть со стола – и чуть не упал.

– Не так быстро! – прикрикнул Моннки. – Давай сюда руку, калека.

Кросс протянул руку, Моннки закинул её себе на плечи и аккуратно поставил хирурга на ноги. Потом он помог Кроссу одеться и усадил на стул в углу операционной.

Большой Босс молча наблюдал за происходящим, и только когда Кросс принялся разминать верхнюю часть тела, спросил:

– Ты в норме?

– Вроде того, – ответил Кросс. Чувствовал он себя гораздо лучше, чем пять минут назад. *Надо будет потом выпросить у Моннки этих чудесных «банок».*

– Хорошо. Теперь поговорим.

Моннки притащил ещё один стул, поставил его напротив Кросса, а сам встал за спиной хирурга. Босс сел перед Кроссом, положив ногу на ногу:

– Ну?

Хирург пожал плечами. Он не знал, что сказать, и спросил:

– Что вы здесь делаете, Босс?

Большой Босс редко покидал свой защищённый бункер – слишком уж много врагов имел. И причина, заставившая появиться Босса здесь, должна была быть очень весомой.

– Тот же вопрос я хотел задать и тебе, Кросстан. Видишь ли, сегодня утром Сюзи сообщила мне, что некто в клинике находится в сопорозном состоянии⁸. А сегодня тут должно быть пусто, как у кое-кого в голове, раз он игнорирует прямые приказы. – Босс указательным пальцем ткнул в лоб Кросса, от чего в голове словно разорвалась маленькая бомба. – Итак, Кросстан. Что ты здесь делаешь, когда я ясно тебе велел не появляться в клинике до завтра?

Кросс сглотнул слюну, скопившуюся во рту.

Ну и дрянь же ты, Сюзи, – мысленно обругал Кросс компьютерную систему. – *Не ожидал я от тебя такой подставы.*

Впрочем, Кросс тут же подумал, что несправедлив к ней. Если он был близок к коме... то, что он имеет «старческий иммунитет», не спасёт его от превращения в овощ. К тому же он не питал иллюзий относительно того, что его присутствие в клинике пройдёт незамеченным для Босса. И ещё Кросс понял, почему Босс так разозлился – он испугался, что может потерять одного из своих лучших хирургов.

У которого вчера сорвалась операция, кстати. Боссу этого знать не нужно.

– Послушайте, Босс... – Кросс запнулся. – Если честно, я плохо помню, зачем сюда припёрся. Дома было совершенно нечего делать, и, возможно, я решил попробовать возобновить работу над своими проектами, но...

Кросс развёл руками, как бы говоря *планы слегка изменились, увлёкся, с кем не бывает.*

Босс склонил голову набок и несколько секунд смотрел на собеседника, словно прикидывая, за какого идиота его держат: за полного или всё же с зачатками разума?

– Поработать над проектами, говоришь? – Босс поменял ноги местами и наклонился вперёд: – А потом решил оторваться? Ты утверждаешь, что всё было именно так?

Кроссу очень не понравился тон, но ввиду безальтернативности он продолжил гнуть свою линию:

– Да.

– Что ж... тогда ты не будешь против, если мы глянем записи с камер? Просто чтобы на сто процентов удостовериться в правдивости твоих слов.

Кросс окаменел – такого поворота он совсем не ожидал.

– Камеры? – переспросил он сразу, как только язык обрёл подвижность. – Когда их поставили?

– Несколько дней назад, – ответил Моннки, вставая рядом с Кроссом. В руках у помощника был планшет. – У тебя серьёзные проблемы с интоксом, приятель, и кредит доверия к тебе чрезвычайно низок.

Кросс проигнорировал Моннки:

⁸ Сопорозное состояние, сопор – глубокое угнетение сознания, прекомагозное состояние. При усугублении этого состояния развивается кома.

– Босс, вы же помните условия, на которых я согласился работать с вами. Я даже список составил, где шестым пунктом было чётко написано – никаких, сука, камер!

Босс приложил палец к губам, призывая к молчанию, и указал на планшет:

– Не шуми. Давай лучше посмотрим на твои проекты.

Кросс перевёл глаза на планшет в руках Моннки. Тот наугад (наугад ли?) отмотал запись под конец рабочего дня и нажал на экран.

На записи была Инес. Абсолютно голая, она на четвереньках стояла на операционном столе. Позади неё находился Кросс и слизывал интокс с её белоснежных ягодичек, периодически погружаясь лицом между восхитительных, идеальных половинок. Ракурс был взят почти профессионально, всё было видно до мельчайших подробностей, как будто оператор находился прямо в комнате. В какой-то момент Инес взяла щепотку бурого порошка из стальной коробочки перед собой и высыпала его на язык Кросса, простонав: *Давай, затихни его в мою задницу. Только никаких рук.* Хирург с готовностью выполнил просьбу, уткнувшись лицом в крепкую попку Инес.

Кросс смотрел, и его лицо полыхало красным. Но не от стыда, а от гнева. Этот «Большой Гондон» установил грёбаные камеры, даже не уведомив его!

Ну, сука, я этого так не оставляю...

– Как называется этот проект, не расскажешь? – спросил Моннки.

Кросс перевёл взгляд на помощника Босса и заметил, как у того выпирает бугор в промежности.

– Он называется «твоя мамаша следующая»! – огрызнулся Кросс. – Смотри не спусти себе в штаны, падаль. Потерпи до дома, там и вздрочнёшь как следует.

– Уж будь уверен, – кивнул Моннки. – Вздрочну, и не раз. А будешь зубоскалить, разошлю запись всем нашим парням, пускай тоже наслаждаются.

– «Вашим» – это каким? Заднеприводным? Не забудь только заменить тёлку с записи на мускулистого самца, прежде чем делать рассылку в свой гомо-клуб, а то парни не поймут.

У Моннки на лице заходили желваки. Он собирался ответить, но Босс поднял руку, и тот заткнулся.

– Меня мало интересует твоя личная жизнь, Кросстан, – сказал Босс, перекрывая голосом похотливые стоны Инес. – Но один момент на этой записи меня... удивил.

Моннки перемотал запись чуть назад, туда, где Кросс и Инес ещё просто сидели на столе и сексуальное безумие пока не началось. Инес на записи сказала:

– Знаешь, я передумала ставить себе имплант.

– Это из-за...?

– Ага. Это было знамение. Я усомнилась в своей вере, и Старый Искупитель пришёл, чтобы предупредить меня, дать мне второй шанс. О, Кросстан...

Дальше Кросс не слушал. Он прекрасно помнил этот разговор. Внутри всё похолодело – ещё никто так близко не подходил к его тайне. Кросс почти перестал дышать, гадая, что сейчас скажет Босс. Но причина, по которой его заинтересовал этот момент, оказалась весьма прозаичной. Кросс едва не рассмеялся от облегчения, когда Босс сказал:

— Ты разыграл перед этой женщиной приход Старика, из-за чего она отказалась от наших услуг. Я правильно понимаю происходящее, Кросстан?

— Верно. Но имплант был пустяковый. Я готов заплатить за него.

– Заплатишь, не беспокойся. Но дело не в деньгах, Кросстан, а в том, что ты упустил потенциального клиента. – Босс откинулся на спинку стула. – А это уже, как ты понимаешь, вопрос имиджа и твоих профессиональных качеств.

– Она сектантка, – Кросс пожал плечами, – Церкви Старых Искупителей. Им запрещена установка имплантов, и, если бы не «пыль», она бы никогда здесь не очутилась.

– Я бы принял это в качестве аргумента, если бы не остальные твои промашки. В последнее время ты сильно меня разочаровываешь, Кросс. – Большой Босс встал со стула. – Собирайся. Ты едешь с нами.

– Куда? – То, что Босс назвал его Кроссом, не сулило ничего хорошего.

– Ко мне. Хочу кое-что тебе показать.

* * *

Кросс сидел на заднем сиденье бронированного внедорожника, его владелец – на переднем, в качестве пассажира, а Моннки вёл машину. Все трое молчали.

Кросса сжигало любопытство пополам с тревогой: он никогда не бывал в личной обители Босса. Было интересно, как там всё устроено. Но в то же время... он всё-таки никогда не был в личной обители Босса! Кто знает, понравится ли ему то, что он там увидит?

Моннки был сосредоточен на дороге. Помимо исполнения обязанностей водителя и телохранителя, он следил за показаниями непонятных Кроссу приборов на панели автомобиля и периодически включал рацию на приём, слушая доклады наблюдателей. В общем, разговаривать ему было особо некогда.

А Босс молчал... а хер его знает, почему он молчал. То, что творилось в голове у человека, подмявшего под себя почти весь криминальный мир не только порта, но и Нью-Солста, было доступно только ему одному. Кросс надеялся, что Босс просветит его касательно цели поездки, но тот глядел на мелькающие серые коробки через тонированное бронестекло и молчал.

– Эй, Моннки, – позвал Кросс.

– Да?

– Извини за... шутку про твою мать. Я знаю, она была великой женщиной. Она не раз выручала и меня тоже. – Кросс действительно считал, что стоит извиниться. И повысить шансы на получение волшебных «банок».

Моннки подозрительно посмотрел на Кросса через зеркало заднего вида, словно надеясь распознать какой-то подвох. Но на лице хирурга не дрогнул ни один мускул.

Моннки кивнул:

– Принимается. Только не жди от меня извинений – я по-прежнему считаю, что с интоксом ты перегибаешь палку. Всё, не отвлекай меня.

Кросс показал большой палец, и Моннки вновь сосредоточился на дороге.

Они ехали около получаса и оказались в самой восточной части портового района. Несколько раз они останавливались, и Моннки внимательно изучал показания приборов, после чего они ехали дальше. Кросс так и не разобрался, для чего совершались эти действия, но, видимо, без этого было не обойтись.

Он уже начал проваливаться в сон, как вдруг машина остановилась и Моннки сказал:

– Выходим. Сначала ты. – Он пальцем указал на хирурга.

– Используешь меня в качестве мишени? – хмыкнул тот, но приказ выполнил. Кросс вылез из машины, захлопнув дверь, и встал рядом, не зная, куда идти дальше: в эту часть порта он ещё не забредал.

– Не стой столбом, – сказал Моннки, медленно выбираясь из автомобиля и озираясь по сторонам. Потом указал на ничем не приметную дверь по левую сторону от внедорожника:

– Иди туда и жди нас.

Кросс трусцой добежал до двери и остановился. Всё вокруг было обычным, и кроме трёхэтажного здания, у которого он сейчас стоял, ничем не отличалось от других подобных мест в порту: несколько крохотных баров, одноэтажки, отведённые, видимо, под спальные склады, и спящие тут и там прохожие и бродяги. Но Кросс вдруг подумал, что с уверенностью может

сказать две вещи: абсолютно у каждого здесь имелся при себе как минимум парализатор, и каждый из этих невзрачных людей работает на Большого Босса.

Моннки открыл Боссу дверь, и они неторопливым шагом направились в сторону Кросса. Моннки был спокоен, как и его начальник, поэтому хирург сделал вывод, что всё в порядке.

Кроссу вдруг на миг пришла в голову глупая мысль – интересно, как быстро вонзятся в него иглы парализаторов и сколько их будет, если он сейчас резко дёрнется в сторону Босса?

Никак не меньше десятка.

Моннки, прижавшись почти вплотную к двери, приложил к ней механическую ладонь с растопыренными пальцами, установив их в невидимые пазы, при этом большой палец находился под сто восемьдесят градусов к остальным. Когда автоматика считала ладонь, палец с тихим жужжанием вернулся на место. Дверь открылась. Моннки сделал приглашающий жест:

– Прошу.

Кросс с интересом заглянул внутрь, но не увидел там ничего, кроме небольшой, два на два метра, комнаты с одной дверью. Он зашёл в комнату, Моннки и Босс – за ним.

Открыв вторую дверь с точно такой же комнатой за ней, только уже без двери, Моннки на этот раз вошёл первым. Он достал планшет, ткнул несколько раз в экран и, нахмурившись, спросил у Кросса:

– У тебя два новых, незарегистрированных в нашей базе импланта. Что это?

– Один чистит... должен чистить организм от интокса, – ответил Кросс. – А второй... экспериментальный и пока не активен.

– Что это? – повторил Моннки.

Кросс вздохнул:

– Чип подключён к клаустрому⁹ и в теории должен позволять сознаниям двух людей общаться напрямую. Но пока я не нашёл... э-э-э... собеседника.

– Проще говоря, ты можешь читать мысли? – спросил Большой Босс. Тема его явно заинтересовала.

– В теории – да. Но только у человека с таким же устройством.

– Интересно. – Босс поскрёб затылок. – И как давно ты спроектировал этот имплант?

– Закончил около месяца назад.

– Кто тебе его установил?

– Я, – усмехнулся Кросс.

Большой Босс не смог скрыть удивления. Он вздохнул и покачал головой:

– Кросстан, ты поистине гениальный человек. И своим пристрастием к интоксу ты впускую растрачиваешь талант. Но мы это поправим. Держи меня в курсе своей разработки. Если понадобятся подопытные и вообще любая помощь, только дай мне знать. Моннки, – обратился он к помощнику, – давай быстрее.

– Одну минуту, Босс.

Как же ты заинтересовался. Тебе бы не помешал такой имплант, верно? Ничего, я позабочусь о том, чтобы ты его никогда не увидел, мудила.

Моннки наконец завершил все возможные проверки, и Кросс почувствовал, что комната начала движение вниз, в обитель Большого Босса.

⁹ Клаустрем – тонкая пластинка серого вещества, которая прилегает или присоединяется к внутреннему слою новой коры (неокортекса) в центре головного мозга. По некоторым неподтверждённым предположениям, клаустрем играет важную роль в работе сознания.

* * *

Почему-то Кросс ожидал увидеть здесь тёмные, слабо освещённые коридоры с узкими дверями по бокам, возможно, с зарешёченными окнами. Но когда двери лифта открылись, взору Кросса предстала современная обстановка в духе его клиники. Стены были выкрашены светло-голубой краской, тусклые лампы под потолком превосходно имитировали ранние сумерки, а большинство дверей были и вовсе сделаны из полупрозрачного бронестекла.

Но Кросса не покидало ощущение... жуткости этого места. Он не сразу понял, отчего возникло такое чувство, и только спустя пару минут его осенило – тишина. Как в древнем склепе, в котором Кросс когда-то в детстве побывал на экскурсии. Тогда это его сильно напугало, но рядом была мама, которая могла защитить от всего на свете. Сейчас же он мог полагаться только на себя. Кросс подумал о том, что предпочёл бы тёмный лабиринт коридоров этой стерильной тишине и чистоте. Он шёл за своими проводниками и уже не смотрел по сторонам: всё везде было одинаково.

Почему тут так тихо? Возможно, звукоизоляция... но для достижения такого эффекта никакой звукоизоляции не напасёшься.

По мере продвижения вперёд по коридору Кроссу начало казаться, что в тишину помимо шагов вплетаются новые звуки. Постепенно они становились всё отчётливее, и наконец хирург смог идентифицировать их: звуки приборов жизнеобеспечения. Кроссу стало совсем не по себе – на кой хер Босс его сюда притащил?

Объект его мыслей, словно услышав их, остановился перед одной из дверей и сказал:

– Моннки, пожалуй, дальше ты будешь не нужен.

– Спасибо, Босс, – ответил Моннки с явным облегчением.

– Поднимись в мой кабинет. На рабочем столе я оставил для тебя файл. У Штрамма возникли проблемы, и он просит помощи. Сделай всё, что в наших силах. Я подчёркиваю, Моннки – всё, что в наших силах. Важно решить вопрос с максимальной для нас выгодой, поэтому разрешаю использовать любые методы. Это в приоритете, так что если нужно скинуть на кого-то свои дела – передай их Коллтеру, он в курсе. Вопросы?

– Никаких, Босс.

– Тогда свободен. Спасибо, Моннки.

Помощник кивнул и, развернувшись на каблуках, быстро зашагал в обратную сторону. Кросс проводил его взглядом, а Босс тем временем приложил механическую руку к двери. Кросс вдруг понял, зачем Босс заставил Моннки тащиться сюда, хотя в этом не было никакой нужды: он хотел показать Кроссу, насколько его помощник не хочет заходить в эту дверь, и, может быть, лишний раз напомнить Моннки, кто здесь главный.

Грёбанный психолог-психопат.

Босс не торопясь, чуть ли не с ленцой, начал открывать дверь, и чем шире она распахивалась, тем сильнее Кроссу хотелось, чтобы она вечно оставалась запертой.

Сука, умеешь же ты нагнетать. Жопу себе нагнети, урод. Ну давай уже, открывай...

Наконец Босс открыл дверь и сказал:

– Гости вперёд. Прошу, Кросстан.

* * *

В комнате было темно, но в неярком свете, падающем из коридора через дверной проём, Кросс видел, что комната, довольно просторная, заставлена столами из хромированной стали. На подобном столе он проводил операции. В помещении, за исключением негромко шумящих

аппаратов жизнеобеспечения, с торца стоявших у каждого стола, было тихо. Кросс уже хотел активировать линзы ночного видения, но тут Босс включил свет и запер дверь.

На столах... что-то лежало, накрытое синими простынями. Кросс сначала подумал, что это какое-то оборудование – мозг упорно не хотел принимать тот факт, что оборудованию жизнеобеспечение не нужно. Да и контуры того, что лежало под простынями, были слишком жуткими и неправильными для... но тут на ближайшем столе под простыней началось движение, и мозг Кросса принял реальность – существа были живыми, и хирург питал очень слабую надежду, что это всё-таки не люди.

Босс неторопливым прогулочным шагом подошёл к шевелящемуся и положил на него свою живую руку. Нечто под простыней мгновенно замерло.

– Джонни чувствует... – протянул Босс, поглаживая пленника. – Всегда отличался особой чувствительностью. Кросстан, подойди поближе.

Кросс не хотел. Он настолько не хотел видеть то, что находится под простыней, что серьёз подумал о том, чтобы попытаться вырубить этого психа и попробовать слинять отсюда. Но, реально оценивая шансы, Кросс понимал, что вряд ли успеет добежать даже до лифта. Хирург медленно подошёл к Боссу и остановился на противоположной стороне стола. Точно так же, всего час назад, Большой Босс и Моннки стояли над ним. От этой мысли Кроссу стало совсем не по себе.

Босс резко сдёрнул простыню, и глазам хирурга предстало самое отвратительное зрелище, которое он когда-либо видел. Нет, он видел много крови в свою бытность практикующим хирургом-реаниматором, почти каждый день копался во внутренностях клиентов, и чем-то удивить или испугать его было очень сложно. Но то, что он видел сейчас перед собой, не имело ничего общего с последствиями самых ужасных травм, болезней или пыток. Это был совершенно другой уровень проявления тёмной человеческой сущности.

Тело, лежащее на столе, было обнажено. Хотя вряд ли можно назвать обнажённым того, с кого сняли кожу и заменили её искусственной. Кросс неоднократно проводил подобные операции и научился визуально отличать настоящую кожу от биодермиса. Но ему никогда не приходилось видеть такое – чтобы всю кожу заменяли целиком.

Также у тела – Кросс избегал слова «человек», поскольку так было проще воспринимать происходящее, – отсутствовали конечности, и оно напомнило безобразную улитку без панциря. Ноги ампутированы чуть ниже поясицы, рук же не было совсем. На месте, где полагалось быть гениталиям, находилось лишь гладкое место. Прямо как у пластиковых кукол, которыми Кросс в детстве любил отрывать головы. И он готов был держать пари на что угодно – лежащий на столе жаждал того же. Возможно, умолял бы об этом, если бы мог говорить.

Лицо бедняги ужасало больше всего. Верхняя и нижняя губы составляли между собой единое целое, ушные раковины были отсечены от головы, отверстия защиты, а глаза постигла та же участь, что и гениталии. Только небольшие впадины напоминали о том, что этот человек когда-то был зрячим.

В довершение этого кошмара из тела торчали разного рода трубки, которые плавной волной огибали края стола и прятались внизу, под полом. Те трубки, что выходили из нижней части таза, были прозрачные (Кросс подумал, что их специально сделали такими, чтобы вызвать ещё большее отвращение у посетителей), и по ним, видимо, перекачивались отходы жизнедеятельности. Кросса позабавило это слово – никакой деятельности, и, если уж на то пошло, жизни, он тут не наблюдал.

– Ну? – нарушил молчание Босс. – Что скажешь?

Оглядев помещение, Кросс пересчитал столы – не меньше трёх десятков.

– Овощная вечеринка? – пошутил Кросс. Ему было ни хера не смешно, но он надеялся таким образом хоть немного сбросить напряжение. Не помогло.

Босс проигнорировал шутливую составляющую фразы:

– Они не овощи, Кросстан. Они вполне себе в сознании. Они ничего не видят, не слышат и не чувствуют своих тел. Они не могут ощущать запахи, вкусы, даже собственной слюны, и они никогда не произнесут ни одного слова. Даже плакать они не могут, потому что у них нет слёзных желёз. Всё, что они могут, – это думать. И теперь это их мир – быть наедине с собственным сознанием, полностью отрезанными от мира внешнего.

Кросс почувствовал головокружение и тошноту. Он пошатнулся и в попытке удержаться случайно тронул тело на столе, ощутив, что человек дрожит мелкой дрожью.

– По какой-то причине они чувствуют, когда я прихожу, – сказал Босс. – Кто знает, быть может, они развили в себе иную разновидность чувства. Но меня это даже забавляет – знать, что они чувствуют меня.

Кросс смотрел на безумного садиста. Он знал, что Босс страшный человек, но это...

– Я поддерживаю в них жизнь, и делаю это тщательнее, чем мои шлюхи следят за своей внешностью. – Голос Большого Босса упал до шёпота: – Поэтому их последняя надежда – Старик – является абсолютно несбыточной.

– Зачем? – спросил Кросс после минутной паузы.

– Если я скажу, что это мои бывшие враги, Кросстан, ты мне поверишь? Проверить это ты никак не сможешь. Но, мне кажется, для тебя это не имеет никакого значения. Мне кажется, – повторил Босс, – тебя терзает вопрос: «зачем он мне всё это показывает»?

Кросс кивнул.

– Видишь ли, Кросстан, обычно те, кто видит эту комнату, остаются в ней навсегда. Но с тобой несколько другой случай.

– Это попытка меня напугать, верно? Вы угрожаете мне, Босс?

– Ни в коем случае. Просто хотел показать, что бывает с теми, кто не слушается меня. Так что можешь считать это предупреждением. Последним. Но есть ещё кое-что.

Босс накрыл тело простынёй и сказал:

– Меня очень заинтересовала твоя разработка – имплант, который может читать мысли. Когда ты рассказал о нём... видишь ли, я считаю, что сознание человека – это не просто место в мозгу, где возникают мысли. Я уверен, что это нечто большее... некая сила, так скажем. Ты чувствуешь, как... тяжело в этой комнате?

Кросс понимал, о чём тот говорит, но считал, что у Босса поехала крыша, если он вдруг решил, что психологическая тяжесть, которой здесь был пропитан воздух, имеет отношение к каким-то... силам.

– Может быть, я ошибаюсь, и сознание – это просто сознание, – продолжил Босс, не дождавшись ответа. – Но что, если, вынужденные концентрироваться только на своих мыслях, они разовьют в себе эту силу? Я хочу знать, о чём они думают, Кросстан. И это будет финальным уровнем моего контроля над ними.

Слушая бред этого монстра, Кросс понимал, что тот окончательно слетел с катушек. Нужно было валить отсюда как можно скорее.

– Я дам вам знать, Босс, когда закончу работу.

– Буду тебе очень признателен. Надеюсь, не нужно напоминать, что я жду результатов как можно скорее?

– Сделаю всё возможное. Ну так... я могу идти?

– Да. – Босс подошёл к двери и открыл её. С него словно спала невидимая пелена, и Босс снова стал таким, каким Кросс его знал. – Иди прямо к лифту, никуда не сворачивая. Если нуждаешься в машине, тебя подбросят до клиники. Ты можешь работать?

– Думаю, да, – ответил Кросс, потирая предплечье.

– Тогда начинай зарабатывать деньги. И помни, всегда помни, что ты тут видел и о чём мы тут с тобой говорили.

Хирург вышел за дверь, и она захлопнулась. Что Босс собирался там делать, Кросса совершенно не волновало, и он почти бегом направился к лифту.

* * *

На улице, у самого входа, Кросс встретил Моннки – он стоял, задумчиво разглядывая свою обувь, и курил. Кросс жестом попросил сигарету.

Когда он затянулся, Моннки спросил:

– Ну?

– Что «ну»?

– Что скажешь о..? – Моннки ткнул рукой за спину.

– Я, пожалуй, воздержусь от комментариев, – пробормотал Кросс.

Он помолчал с минуту, а потом не выдержал:

– Как ты, зная такое, всё ещё на него работаешь? Никогда не думал, что сам можешь там оказаться?

Моннки медленно кивнул:

– Думал. И больше, чем ты можешь себе представить. Но...

Он щелчком выкинул окурочек и пожал плечами. Кросс ожидал продолжения, но его не последовало.

– Домой? – спросил Моннки после паузы.

– Да. Или в клинику, ещё не решил.

– Подвезти?

– Нет, я лучше пройдуся.

– Как хочешь.

Моннки собрался было идти к автомобилю, но Кросс окликнул его:

– Эй, Моннки!

– Да? – ответил тот, обернувшись.

– Не снабдишь меня этими замечательными «банками»?

Моннки хмыкнул и достал из внутреннего кармана пиджака плоскую металлическую коробку. Эффектно крутанул её между большим и указательным пальцем и бросил Кроссу:

– Держи. Тебе нужнее.

Кросс поймал коробку, повертел в руке:

– Это вообще что?

– Последняя разработка наших химиков. На рынок планируем выводить через пару месяцев. Пообещай только, что не сдохнешь до того, как они закончатся.

– Посмотрим, – сказал Кросс.

Моннки кивнул, прощаясь, сел в автомобиль и уехал.

Пошёл слабый, морозящий дождь. Кросс докурил сигарету и затушил окурочек о стену.

– Дерьмо, – сказал он, ничего конкретно не имея в виду. Просто так.

Глава 7

Джил стояла возле бара «Рэд Чиф» и докуривала сигарету, пачку которых дал ей Штрамм. Небесплатно, разумеется. Также он «уступил» ей неброский комплект одежды, всего за лишнюю тысячу, – как он выразился, «по доброте душевной».

Джил показалось, что в этой части порта публика была более разношёрстной, но в то же время более цивилизованной. Возможно, именно поэтому люди не обращали на девушку внимания. А возможно, потому, что после приключений в «Старом Штрамме» и тех сведений, что она там получила, Джил чувствовала себя намного уверенней, и это отражалось в её облике и поведении.

Джил докурила сигарету, взглядом отыскала мусорку и выбросила окурочек. Тот стукнулся о стенки железного цилиндра и вывалился снизу – у урны не было дна. Джил почему-то позабавило это, и она усмехнулась.

Итак, Джил, – сказала девушка себе, пропустив компанию из трёх человек и заходя в бар, – *помни, о чём сказал тебе Штрамм. Создатель, надеюсь, этот жадный урод не обманул меня.*

Оказавшись внутри, Джил вдруг поняла, насколько голодна. Последний раз она ела утром, потом испытала колоссальный стресс, и организм требовал энергии. Дразнящий запах жареного мяса заставил желудок Джил исполнять кульбиты. Девушка прижала руки к животу.

Тише, маленький засранец. Сейчас что-нибудь съедим.

Желудок, издав протяжное «урррр», замолк.

Сев за угловой столик в конце бара, Джил решила сначала перекусить. Дело подождёт. Тем более Джил, похоже, поняла, как нужно вести себя в порту, чтобы привлекать как можно меньше внимания, – просто не глазеть по сторонам. Удивительно простая штука, но она работала.

Едва девушка устроилась за столиком, к ней тут же подсел в хлам пьяный тип. Он попытался что-то сказать – наверное, хотел завязать непринуждённую беседу, – но вместо слов изо рта вместе с несвежим дыханием выходили лишь бессмысленные звуки.

– Вали отсюда, дружище. – Элиза вдруг проснулась и подсказала нужные слова. – Ты меня с кем-то спутал.

Тип с полминуты смотрел на Джил, открыл было рот, но потом махнул рукой, горестно вздохнул и направился к выходу. Что он хотел сказать, навеки осталось загадкой.

Джил взяла барную карту в руки, перевернула её вверх ногами и вперилась взглядом в долговязого бармена. По словам Штрамма, в этом баре перевёрнутая карта служила знаком того, что клиент забрёл сюда не случайно, а по рекомендации.

Бармен наконец заметил Джил и карту в её руках. Коротко кивнул, одними губами сказал: *пару минут, и я подойду.* Девушка кивнула в ответ.

Ну всё, процесс запущен. Надеюсь, в этот раз обойдётся без происшествий.

Джил вдруг в очередной раз задумалась о том, зачем она это делает.

Давай откровенно, – обратилась Джил к своему внутреннему «я». – *Тебе, на самом деле, нужны вовсе не импланты. По крайней мере, теперь. Ты уже лишилась почти половины своих средств. Сколько ты можешь потратить на собственный апгрейд, чтобы ещё осталось на комфортную жизнь? Дело ведь не в имплантах, нет. Тебе нужно доказать самой себе... а что? Ты даже не можешь ответить на этот вопрос. Те бредни о предчувствии конца? Ты всерьёз в это веришь? Думаешь, тебя постигнет судьба Элизы?*

Да, – шепнула часть сознания.

Джил запуталась. Мозг был перенасыщен событиями, по большей части негативными. Да какое уж там «по большей части»! Хорошим из того, что случилось за последнюю неделю, было только то, что её не продали в рабство. Отличная неделя, ничего не скажешь!

Джил увлеклась своими мыслями и не заметила, как подошёл бармен:

– Добрый день, мисс.

– Добрый, – кивнула Джил.

– Меня зовут Рэй. Чем могу быть полезен? – Девушка видела, что Рэй косится на её синяк, но у него хватило такта промолчать.

Джил замялась на секунду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.